

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

А. Райро

АРИСТОКРАТ ПЯТЬ ГРЯЗНЫХ ИСКУССТВ

И даже в чужом теле я не собираюсь подчиняться авторитетам

А. Райро
Аристократ. Пять
грязных искусств
Серия «Аристократ», книга 1
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66669256
Аристократ. Пять грязных искусств: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-145089-2

Аннотация

Я должен был умереть сразу. Только уличного бойца не так-то просто убить. Пытки я перенес, но... очнулся в теле семнадцатилетнего аристократа. Так было задумано, но не мной.

И чтобы выжить, я должен отправиться в самое гиблое место империи – город кланов, грязной магии и монстров. В особую боевую школу. Вокруг меня все больше плетутся интриги и льется кровь, но даже в чужом теле я не собираюсь подчиняться авторитетам.

Содержание

Глава 1. Кто он?	5
Глава 2. Новый адепт	13
Глава 3. Рэй получает пулю	20
Глава 4. Знакомство с Херефордом	33
Глава 5. Удары в спину	50
Глава 6. Город трех кланов	69
Глава 7. Ведьмы лёгкого поведения	89
Глава 8. Крыса Рингов	107
Конец ознакомительного фрагмента.	121

А. Райро

Аристократ. Пять грязных искусств

© А. Райро, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Глава 1. Кто он?

Опасность я почувствовал не сразу – за это и поплатился. Но было уже поздно.

Голова завалилась набок, и сквозь белесую пелену я увидел того парня. Он лежал рядом, бок о бок со мной. Совсем юный, лет шестнадцати-семнадцати, худой, с бледным лицом, черными как смоль волосами и в пижонской одежде – такой я никогда не носил. Белоснежная рубашка, галстук...

Парень был без сознания или в глубоком сне.

В это время чей-то утробный голос эхом множился по залу. Он то завывал, то хохотал и даже, казалось, пел. Это длилось бесконечно долго.

И вслушиваясь в звуки, я сам не заметил, как сознание померкло, растаяло в этом жутком нечеловеческом голосе... и тело... тело перестало чувствовать само себя.

А потом...

* * *

...Я снова ощутил свое тело.

Будто сложились в линию невидимые зазубрины души и плоти. Я глубоко вздохнул (каким же легким показался мне этот вдох!).

И тут кто-то хлестко ударил меня по лицу.

– Рэй!

Нет, я не хотел просыпаться. Мне нравилась та легкость, что сейчас во мне царила. Прекрасная легкость, только моя...

Удар повторился, и куда болезненнее.

– Рэй!

Я открыл глаза.

Надо мной высился белоснежный потолок, а сам я лежал на больничной кушетке, укрываясь хрусткой свежестиранной простыней. В воздухе витали запахи мыла и хлорки.

– Рэй? – снова позвал кто-то.

Я повернул голову на голос. На меня смотрел мужчина лет сорока в синей форме военного агента. Мне показалось, что я знаю его... да... я должен был его знать, но никак не мог вспомнить, кто это.

Он хмурился.

– Можешь шевелиться?

Я медленно моргнул, чуть приподнял правую руку, потом левую.

– Отлично. Теперь скажи что-нибудь.

А вот это показалось мне невыполнимым, будто я разучился разговаривать. Опять неторопливо моргнул, так и не разомкнув губ.

– Рэй, скажи что-нибудь, – с напором потребовал мужчи-

на. Потом отвернулся, посмотрел в угол комнаты и обратился к кому-то: – Он точно готов?

– Думаю, да, – ответили ему хрипло. – Это моя лучшая работа. После нее мне придется полгода восстанавливаться, но это стоило того. Посмотрите, тэн, как он хорош. Вросся в носителя, как будто там и был.

Второй голос мне тоже был знаком, только усталость и безжизненность порядком его исказили.

Мужчина в форме снова повернулся ко мне и наклонился ближе.

– У тебя есть время до утра. Херефорд займется тобой, и тебе придется схватывать все на лету... Но ты ведь способный, не так ли? – Военный усмехнулся. Затем он покинул комнату, но в углу все еще оставался тот, кого называли Херефордом.

– Ты помнишь, Рэй? – послышался его слабый голос. – Помнишь, что с тобой случилось сутки назад?

Бесшумно ступая, он подошел ко мне. Долго изучал мою физиономию, а я не мог отвести взгляда от него самого.

Его крупное тело облегал длинный кожаный плащ с поднятым воротником, на голове возвышалась шляпа с широкими полями, лицо скрывала сизая маска без прорезей, из тонкой эластичной ткани или... живой кожи. Да, мне показалось на секунду, что она не искусственная, а живая, что маска – неотъемлемая часть этого существа.

Я хотел было вскочить с кровати, но сил не хватило. Все

они ушли на то, чтобы приподнять затылок над подушкой и опустить его обратно.

– Вставай-вставай, – кивнул Херефорд. – У меня нет времени с тобой возиться. Хочу проверить, как ты двигаешься в новом теле.

Я не совсем понимал, что несет этот человек. Нет, не так: я не хотел понимать его. Не хотел. Если я осознаю, что он мне говорит, то вряд ли обрадуюсь.

– Вставай! – повторил Херефорд. – Вставай, новорожденный!

Он сделал жест рукой в мою сторону, и невидимая сила мгновенно стащила меня с кровати. Вывод напрашивался сам собой. Очень неприятный вывод: Херефорд – адепт кодо, уровнем не ниже фортис, раз вот так запросто управляет моим телом.

Я распластался на полу, кое-как оперся на локти в попытке подняться и тут увидел свои руки... совсем другие руки! Тонкие холеные пальцы, узкие ладони без привычных для меня боевых отметин на костяшках кулаков.

Это были руки аристократа, а не уличного бойца.

Боже милостивый, что они со мной сделали?..

В панике я принялся ощупывать лицо. Но Херефорд щелкнул пальцами, и меня откинуло на стену.

– Хочешь увидеть себя, Рэй?

Говорить я не мог – голосовые связки не слушались. Я навалился плечом на стену. Передо мной стояло зеркало. Боль-

шое, во весь рост, завешанное черной тканью. Херефорд снова взмахнул рукой, и ткань соскользнула вниз.

Хорошо, что я не мог говорить, иначе бы заорал во всю глотку, ведь в отражении на меня смотрел совсем другой человек.

Не я.

Это был тот самый парень, который лежал рядом со мной, когда я бредил. Все в той же мятой пижонской одежде, с теми же черными волосами и длинным ровным шрамом на левой стороне шеи, от самого уха и почти до ключицы.

Я медленно дотронулся до лица. Отражение сделало то же самое.

– Нет... – и это был не мой голос.

– О, заговорил, – хмыкнул Херефорд. – Это хорошо. А то я уж подумал, что придется выдавать тебя за немого.

Я не отрываясь смотрел на себя... или него.

– Кто... он?..

И опять этот голос. Совершенно другой, чужой голос.

– Это ты, Рэй, – ответил Херефорд. – Теперь это ты. Ну а кто этот парень, тебе знать необязательно. Этого парня уже нет. Есть только ты.

Я сглотнул и снова провел дрожащими пальцами по лицу. Отражение чужого человека повторило все мои движения.

– Это не я...

– Это ты, Рэй.

Я никак не мог оторвать взгляда от своего (своего!) отра-

жения. Но все же сделал над собой усилие и наконец отступил от зеркала. Повернулся к Херефорду.

Весь его вид говорил, что ему на меня плевать, он делал свое дело.

– Не будем терять время, – сказал он. – Я хочу проверить, насколько быстро ты привыкаешь к новому телу. Посмотрю на твою координацию. Ударь меня.

– Что? – Я невольно сделал шаг назад.

Какого черта он от меня требует, когда я еле держусь на ногах, да еще и нахожусь в теле тщедушного паренька с тонкими «аристократическими» костями и нежной кожей? А еще у меня существенно поменялся угол обзора – я стал ниже ростом, будто подрезали ноги.

Ну и как мне драться?..

Херефорд скинул с себя плащ, оставшись в облегающем костюме из плотного черного материала. На его мускулистом теле я насчитал четыре кобуры. Одну на голени, вторую наплечную, третью на поясе, и, если мне не изменяли глаза, оружие крепилось даже к спине.

И из каждой кобуры торчали рукояти армейских револьверов, все они были украшены щечками из слоновой кости. Мало того, левое предплечье Херефорда обхватывали кожаные зажимы для ножей... вместе с ножами, конечно.

– Ударь меня, Рэй, – снова потребовал Херефорд.

Я машинально отступил еще на шаг, приближаясь к стене с зеркалом.

Как драться с человеком, вооруженным до зубов, не имея при этом сил даже стоять прямо?.. Я смерил противника взглядом, прощупывая его слабые места (если они вообще были). Потом медленно стянул с себя галстук и намотал его на правый кулак.

Ну что же, Рэй, вспомни, чему тебя учили темные улицы Лэнсома. Вспомни, как трещали кости твоих соперников во время боев в подвале «У Рика». Вспомни, что ты – Рэй Питон, беспризорник, добившийся уважения всего Речного квартала только за один апперкот в челюсть... а не какой-то там хрупкий молокосос.

Я размял шею (тут же накатило головокружение, но я глабоко вздохнул и устоял на месте, даже не пошатнулся). Пока я готовился, Херефорд вынул из кобур все свои револьверы и бросил их на кровать, а вот закрепленные к предплечью ножи оставил при себе.

– Тебя еще долго ждать? – спросил он у меня. – Подходи, Рэй, не стесняйся, иначе...

Договорить я ему не дал, подскочил и коротко, не разгибая локтя, ударил противника левой в основание подбородка. По слабой руке пронеслась еле переносимая боль, кулак онемел. Костяшки противно хрустнули, и тонкая холеная кожа аристократа мгновенно разодралась о маску Херефорда.

А тот даже не шевельнулся. Будто я бился со столбом.

– Неплохо для начала, – сказал он. – Галстук намотал на правую, а ударил левой. Хитрец.

А потом был его ответ. Резкий и безжалостный.

Глава 2. Новый адепт

Каменный кулак угодил мне в живот с такой силой, что дыхание вырвалось из легких хриплым всполохом. Я согнулся и повалился перед Херефордом на колени.

Вот же дерьмо...

Никогда в драке я не падал на колени перед противником. Никогда. Но сейчас мое тело оказалось настолько слабым, что я с минуту не мог дышать, только издавал мерзкие конвульсивные хрипы, как умирающий.

– Я не хочу портить тебе физиономию, Рэй. Она тебе в Ронстаде пригодится, – сказал Херефорд. – Координация неплохая для новорожденного. Да, неплохая... действительно. Но само тело тебе нужно привести в порядок. Оно слишком слабо. Твой удар никуда не годится.

И пока я поднимался с колен, он взял с кровати один из револьверов и протянул мне.

– Стреляй.

– Куда стрелять? – поморщился я.

– В меня.

– Хотите, чтобы я вас убил?

Он покачал головой.

– Меня невозможно убить. По крайней мере, из этого револьвера.

Я с удовольствием бы расстрелял Херефорда из всех его

револьверов. Но решение принял совсем другое.

Вместо того чтобы взять протянутое оружие, я выхватил из держателей на предплечье Херефорда два коротких ножа. И немедля всадил их в его тело. Один прямо в яремную ямку у горла, второй в левый бок, под ребра.

Херефорд выронил револьвер и отшатнулся, захрипел, обхватив рукоять ножа, торчащего из шеи. Я не стал ждать его гнева, поднял револьвер с пола и разрядил весь барабан в живот адепта.

Херефорд повалился на стену. Но мне этого было мало. Я хотел причинить ему столько боли, сколько этот ублюдок причинил мне. И пока он приходил в себя, я подошел к кровати, где валялись еще три револьвера, взял первый попавшийся, проверил барабан – полный – и навел ствол на Херефорда.

– А из этого револьвера вас можно убить? Давайте проверим?

Взвод курка – выстрел, взвод – выстрел, взвод – выстрел... и в противника угодило еще шесть пуль.

Разрядив второй револьвер, я взял третий.

– Хватит! – выкрикнул Херефорд и коротко взмахнул рукой.

Оружие, что я сжимал, накалилось, обжигая мне ладонь. Пришлось тут же отбросить его в сторону.

– Хватит, Рэй, – выдохнул Херефорд. – Я и без того вымотан. Хватит.

Он тяжело поднялся на ноги и с неприятным скрипом вынул ножи из шеи и бока.

Крови на клинках не было (и почему я не удивился?). А потом отточенным движением руки, почти незаметным, он метнул в меня ножи. Я еле успел увернуться. Но одно из лезвий все же скользнуло по левому уху и угодило прямо в зеркало за моей спиной. Послышался звон бьющегося стекла.

Херефорд подождал, пока шум стихнет, и ровным – нет, даже равнодушным – голосом сообщил:

– Итак, запоминай, Рэй. Тебе семнадцать. Ты природный адепт кодо, пока еще инфир. Твой отец принадлежал к одному из благородных родов Лэнсома, но был лишен привилегий, потому что тоже владел кодо. Его казнили пять лет назад. Ваш род убрали из Скрижали Достойных, и династия прервалась. Ты долгое время скрывался и неплохо зарабатывал на Рынке Нищих, но однажды тебя поймали на торговле поддельными побрякушками.

Я нахмурился.

Какого черта он несет?.. Называть меня адептом кодо или относить к благородному роду – сродни безумию.

Херефорд тем временем продолжал:

– Если будут спрашивать о шраме на шее, скажешь, что тебя пытали в Ордене. В Красном Капкане. Все адепты кодо знают, что это такое.

И тут вдруг до меня дошло кое-что важное.

– А настоящий я... где?

– Мы тебя казнили, как того и требовал суд, – спокойно сообщил Херефорд. Настолько спокойно, будто говорил о чем-то обыденном. – Твое тело уничтожено. Ты перестал существовать для тех, кто тебя знал. Они похоронили тебя вчера. Похороны были очень... хм... скудными. Пришло человек десять. Даже Ребекка. Не знаю, что было дальше, но когда я уходил, она все еще лежала на твоей могиле и тряслась от рыданий. Бедная девочка, если ты откажешься с нами сотрудничать, ее уже никто не сможет защитить, но... – он усмехнулся, – это не так важно, на самом деле.

Похороны... Мои собственные похороны.

Мерзкая тяжесть на душе все росла и росла, но отчаяние и злость воплотились лишь в одном вопросе:

– Зачем?

Херефорд пожал плечом.

– Нам нужен тот, кто выживет в городе адептов кодо. В Ронстаде. Ты ведь слышал о Ронстаде, Рэй? Жуткое, говорят, место. Город-тюрьма, город монстров и бандитов. Город грязных искусств. Черное пятно на чистом теле страны. И ты нам поможешь выпотрошить эту клоаку.

Я нахмурился.

Да, я слышал о Ронстаде, но совсем немного: о нем не принято было говорить.

Все знали, что за крепостные стены Ронстада ссылали пойманных адептов кодо, да и то далеко не всех, а лишь слабых инфиров. Остальные, кто был выше уровнем, медионы

и фортисы, редко доживали даже до ссылки.

Ронстад имел необычный статус: его считали тюрьмой и одновременно отдельным государством в государстве.

Говорят, там ссыльным адептам дозволялось делать все, что заблагорассудится. Ронстад имел свои законы, свою элиту и свои правила поведения. Когда-то давно город был метрополией, имел колонии и считался полноценным членом союза Пяти Печатей. Правда, от того союза уже двести лет как ничего не осталось. А Ронстад остался, сам превратившись в грязную истощенную колонию, но до сих пор мнящий себя государством.

«Город кодо-выродков и монстров» – так болтали о нем на Рынке Нищих, шепотом и по углам. А мне всегда было интересно, как обычные люди умудрились согнать сильнейших адептов в гетто и запереть на столько лет.

– Так вот, – продолжил Херефорд. – Теперь ты объединил в себе способности природного адепта кодо и лучшего уличного бойца Лэнсома. Но тебе нужно привыкнуть и натренировать себя заново. Тело пока хрупкое. Оно, как ты уже догадался, принадлежало аристократу из высших слоев Бриттона. Самых высших, какие только существуют. Парень был инфиром, совсем начинающим.

– Вы перенесли меня в тело природного адепта?... – выдавил я.

– Да. Только ты не сразу сможешь пользоваться его кодо, для этого нужно время. Возможно, пара недель. Поэтому

пока тебе придется принимать овеум. Все сошлось, парень. Даже твой порок наркомана подошел нам идеально.

Внутри вместо гнева образовалась пустота.

Адепт кодо – это приговор на всю жизнь. Это казнь или пожизненная ссылка в Ронстад. Когда в семье рождался тот, кто может владеть кодо, означало, что вся его семья обречена. И неважно, из высшего света она или из касты обычных горожан, фермеров, военных – у кого угодно могло произойти такое горе. Семья лишалась всех привилегий и статусов, частенько – даже имущества.

Это было прописано в Списке Чистых. Первый и неизбывный закон.

Ему подчинялся даже имперский род.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли четверо солдат в сопровождении мужчины в синей форме.

– Ну как? – поинтересовался он с тревогой.

– С ним можно работать, если хорошенько его прижать, – ответил Херефорд. – Но лучше все же его связать и оставить так до утра, слишком уж он непредсказуемый. – Перед тем как выйти из комнаты, адепт оглянулся на меня. – Прибереги пыл для задания, ловкач, – добавил он. – Завтра ты отправишься туда, откуда мало кто возвращается. И еще кое-что. Помни о пуле, Рэй. Я могу в любой момент вернуть ее обратно. Помни о пуле...

Я уставился на него, прищурившись и тяжело дыша: наш неравный бой стоил мне больших телесных усилий.

– Проверь шрам на правом бедре. Он навсегда останется с тобой, в каком бы теле ты ни находился. Проверь. Думаю, после этого память вернется к тебе мгновенно.

Херефорд покинул комнату. Гвардейцы тут же окружили меня.

Я же продолжал хмуриться.

Черт... наверняка это выглядело странным, но я принялся расстегивать ремень в брюках: мне не терпелось проверить слова Херефорда о шраме. Я сунул руку в штаны, дотянулся до правого бедра и провел по коже пальцами.

Сердце замерло, когда я почувствовал корку шрама. Застыл в мрачной задумчивости, поглаживая бедро.

– Может, ты перестанешь это делать? – брезгливо поморщился один из солдат.

Я вынул руку из штанов. Застегнул ремень, оглядывая лица окруживших меня гвардейцев.

Круговертъ воспоминаний, как воронка смерча, начала медленно и неотвратимо набирать силу в моем сознании, погружать меня в собственную память, в тот темный провал, где хранились причины моего сегодняшнего перерождения. Всего за сутки я лишился собственной жизни.

Всего за сутки...

Глава 3. Рэй получает пулю

За сутки до этого

Кабинетная работа – дело неблагодарное, это я понимал с самого начала.

Мог ведь преспокойно зарабатывать на боях, но нет. Ребекка все мозги мне вывернула: хватит развлекать народ мордобоем. Ты выше этого. Найди нормальную работу. И что я нашел? Жалкие гроши и полный набор недоразумений.

Далеко ходить не надо: одно из недоразумений уставилось сейчас на меня.

Кажется, его фамилия Хиггинс. Бычара Хиг – так все его называли.

А пацан в свои пятнадцать лет и вправду походил на быка. Высился надо мной неповоротливой мясной глыбой, да еще и сунул мне под нос тетрадь со своими убогими опусами.

– Ну и что это? – Я взял заляпанную парафином тетрадь и посмотрел Хиггинсу в глаза.

Вот уже два месяца я пытался прижиться на «нормальной работе». В гимназии, в классе для трудных подростков (больше меня никуда не взяли), и как любой мало-мальски сознательный стажер надеялся найти на лице ученика хотя бы проблески ума, но отсутствие такового я наблюдаю у него все эти два месяца. Там все безнадежно.

– Это сочинение, мистер Питон, – он ухмыльнулся, наме-

ренно сделав ошибку в произношении моей фамилии, а ведь отлично знал, как это меня раздражает.

Вот говнюк.

Его красноватое рыхлое лицо явно просило кулака.

Я бросил тетрадь на угол стола, так в нее и не заглянув, и откинулся на спинку стула. Неспешно охватил взглядом объемную фигуру Хиггинса.

– Ударение на первый слог, а не на второй. Надо произносить: «Мистер Пи-и-тон», – терпеливо поправил я его, но с удовольствием съездил бы по шее. – Я ведь не коверкаю твою фамилию, и ты будь добр делать то же самое по отношению к другим.

Ноль реакции.

Никакого мыслительного процесса на лице парня так и не отобразилось. Честно сказать, я его и не ждал, но хотя бы смущения... Малолетний наглец даже глазом не моргнул.

– Так вы не хотите взглянуть на мое сочинение? – напирал он.

– Не хочу.

– Ну, пожалуйста, мистер Питон. Я же старался!

И опять ударение не туда. Да что за сукин сын.

Чтобы избавиться себя от его общества, я взял тетрадь. Открыл на первой странице и увидел старательно выведенную карандашом задницу. Огромную, во весь лист.

Под рисунком значилось: «Новый дом мистера Питона. Приятного путешествия, сраный бродяга!»

Вот как?..

Бродяга, значит.

Что ж, ничего удивительного. Я с детства привык к оскорблениям. Вырос в сиротском приюте, а в Бриттоне, где полноту и влияние рода ценят как ни что другое, сирот почти не бывает.

Почти. Ведь я-то был.

А вместе со мной в маленьком приюте на окраине Лэнсо-ма проживало еще восемь детей. Всего девять сирот на всю страну. И сказать, что мы с лихвой познали прелести жизни безродных бродяг, считай ничего не сказать.

– Это все, мистер Хиггинс? – поинтересовался я равнодушно.

Лицо Хиггинса тут же преобразилось: он оторопел.

Парень готовился к триумфу явно не один час, но моя реакция его разочаровала, даже обидела. В гробовой тишине он собирался с мыслями секунд десять и наконец выдал:

– Зато я знаю, что вы бьетесь за деньги, а это незаконно! А еще я видел, что лежит у вас в чемоданчике. Вы все время прячете его под столом... и везде... везде таскаете с собой. Даже на обед. Я сам видел, что у вас там! Я следил. Я видел, как вы открывали его в подсобке мистера Голда. Я видел, видел! Вы пили таблетки овеума! Вы наркоман и нелегальный боец! И я все это сообщил инспектору Жан-Жермесу.

– Ну надо же, – улыбнулся я (один Господь знает, как тяжело далась мне эта улыбка). – Вы очень наблюдательный

юноша.

Я встал из-за стола и, обогнув парня, направился к двери.

– Вы никуда не убежите, мистер Питон! Поняли? Вас все равно поймают! – завопил мне вслед Хиггинс. На этот раз мою фамилию он произнес без ошибки.

Я подошел к двери, повернул ключ, заперев кабинет изнутри, обернулся и внимательно посмотрел на Хиггинса. Наверное, моя улыбка вышла слишком холодной – парень вздрогнул и поежился.

– Вы никуда не убежите, – повторил он, притихнув. И будто сразу потерял в весе и объеме.

– А я бежать не собираюсь, мистер Хиггинс, – ответил я. – Но, думаю, пока инспектор тащит сюда свой сморщенный зад, я успею снять с тебя скальп.

Хиггинс сглотнул и попятился.

– Вы ничего мне не сделаете... Я все про вас знаю... Я сообщил инспектору...

– Это не делает тебя бессмертным. Доносы вообще никого бессмертным не делают. Скорее наоборот.

– Вы учитель... вам нельзя... – Хиггинс продолжал пятиться, а я надвигался на него.

– Кто сказал, что учителя любят детей? Да каждый второй мечтает прикончить мелкого засранца, вроде вас, мистер Хиггинс. Но они только мечтают, а я тот самый, который делает. Представляете, как вам не повезло? А, мистер Хиггинс?

И в тот самый момент, когда Хиггинс уже открыл рот и набрал воздуха, чтобы заорать и позвать на помощь, я подхватил его за горло и пригвоздил затылком к стене, а потом приподнял парня над полом.

Хиггинс забил пятками о стену.

– Мистер... Питон... мистер... я не хотел... – захрипел он. – Они сами... они сами мне так велели...

– Кто? – рывкнул я в его распухшее и покрасневшее от напряжения лицо.

– Инспектор... инспектор велел...

И тут мне в затылок уперся ствол револьвера Жан-Жермеса.

Я бы узнал его из тысячи, даже с закрытыми глазами. Только его «питбуль» (так он ласково его называл) издавал характерные металлические щелчки при взведении курка, будто выщелкивал гимн всей полиции Лэнсома.

– Оставь мальчика, Питон.

Но я продолжал давить на горло Хиггинса, а тот хрипел и бился в моих руках.

– Рэй Ганс Питон! – прогремел позади меня голос Жан-Жермеса. – Отпусти его! Немедленно! Ну? Иначе я тебе башку разнесу. В моем стволе особая пуля. Не дури. Отпусти парнишку.

Инспектор продолжал давить мне на затылок. Ствол его револьвера, казалось, вот-вот вдавится в мой череп, проломив кость.

– Питон, немедленно отпусти свидетеля.

И я отпустил.

На штанах парня, в районе паха, расплзлось темное пятно.

Он соскользнул по стене на пол, осел на колени и, судорожно раскрыв рот, схватился за горло ладонями. Закашлялся, глядя на меня полными слез глазами. В них читались ненависть и страх – самое дурное сочетание эмоций. Но на Хиггинса мне было уже наплевать.

Я поднял руки и медленно обернулся.

Ствол револьвера тут же уткнулся мне в лоб.

* * *

Перед глазами возникло худое выбритое лицо старика Тильдо Жан-Жермеса – жестокого полицейского пса, отдавшего службе добрых сорок лет. С ним рядом стояли трое крепких парней из окружной полиции с ружьями наперевес.

Отлично, Рэй. Просто замечательно. Овеум сделал тебя бесстрашным дебилом.

Мысленно я успел изругать себя последними словами. Со всем потерял бдительность. Ну почему бы перед уроком не проверить подсобку для учебной литературы?..

– Глупо, мистер Питон, очень глупо, – прищурился инспектор. – Вам проблем в жизни мало? Наркоманите, на овеум подсели. На кой черт вам химическое кодо? – Он оглядел

мое вспотевшее лицо и добавил: – Про ваши договорные бои я вообще молчу. Очень неосмотрительно.

– Не понимаю, о чем вы, инспектор, – ответил я ему. – Какие бои? Какой овеум?

– То, что вы два месяца «У Рика» не появляетесь и заделались стажером, не означает, что вы избавились от дурной репутации. А еще мне нашептали, что вас в последнее время ломает. Хм... дозу овеума повышаете? Вы ж сдохнете скоро, мистер Питон, если не слезете с таблеток. Зачем столько страданий из-за химического кодо, я не пойму?

Инспектор скривил брезгливую мину.

Закон обязывал произносить слово «кодо» (а уж тем более «овеум») пренебрежительно, и желательно при этом скорчить гримасу омерзения. Потому что все, что попадало под запрет Списка Чистых, подлежало клеймить позором и называть нелегальным.

Меня, стало быть, так и обозначат в документах дела:

«Рэй Ганс Питон, двадцать два года, холост.

Стажер третьей гимназии города Лэнсом. Участник нелегальных боев в подвале “У Рика”. Овеумозависимый. Не принадлежит ни к одной из тотемных структур, ни к одному из благородных родов. В нарушении Списка Чистых замечен не был... до сегодняшнего дня...»

– Откройте чемодан, мистер Питон, – велел инспектор и кивком указал на мой учительский стол. – Мы знаем, что вы

прячете его там, под столом.

– Давайте сами откроем, сэр, – предложил один из подручных инспектора.

Но тот гаркнул:

– Чемодан не трогать! На нем может быть сильфова печать, трансмутационная пыль или еще какая дрянь. Вы имеете дело с овеумным ловкачом, придурки!

Инспектор не сводил с меня глаз, а ствол его «питбуля» продолжал упираться мне в лоб, не давая ни единого шанса для перехода к обороне. И я отлично знал, с кем имею дело: если дернусь, инспектор вышибет мне мозги без особых сожалений, даже не моргнув глазом.

– Откройте чемодан, мистер Питон, – снова потребовал он. – Покажите нам свои вещи. Если в них нет ничего запрещенного Списком Чистых, то мы отпустим вас с извинениями.

Я прищурился.

– Дождешься от вас, как же.

– Вы утверждаете, что у вас нет запрещенных вещей в чемодане, мистер Питон?

– У меня и чемодана-то нет, Тильдо.

Ноздри Жан-Жермеса раздулись, в глазах сверкнула угроза. Он еще сильнее вдавил ствол «питбуля» мне в лоб.

– Я вам не друг и не родственник, – прошипел он. – Я старше вас на сорок лет, и не стоит называть меня по имени. Я таких наглых сосунков, как вы, ем десятками на обед...

мистер Пито-о-н.

Меня аж передернуло. И этот туда же.

Но стоило мне вздрогнуть, как трое полицейских вскинули ружья и взяли меня на мушку. Черт, и как мне теперь выкручиваться?..

Всех четверых сразу я вряд ли одолею, быстрее они превратят меня в решето. Жан-Жермес недурно подготовился: хитро отвлек меня на Хиггинса, подстраховался бригадой вооруженных парней, а теперь еще и ствол к голове прижал так, что не двинуться.

– Откройте чемодан, – процедил он. – Почему вы так яростно среагировали на слова вашего ученика, Юджина Хиггинса? Вы собирались убить его, это очевидно. Вы хотели убрать свидетеля. Он видел, как вы употребляли овеум. И если я найду в вашем чемодане хоть одну дозу... – От злости старик поджал тонкие мятые губы так, что они почти исчезли.

– Что насчет Хиггинса, то это был воспитательный процесс, – ответил я, одними глазами оглядев присутствующих (кроме засранца Хиггинса: тот замер у стены подальше от меня и изредка всхлипывал). После недолгой паузы я добавил: – И вообще, господа, кто-нибудь объяснит мне, что такое «овеум»?

– Вы очень наглый тип, в таком ключе я о вас и наслышан, мистер Питон, – поморщился инспектор. – Но вам это не поможет.

Я тоже поморщился, копируя его манеру.

– Знаете, очень неудобно, когда тебя держат на мушке. Опустите оружие, тогда и поговорим.

Инспектор сделал еле заметный жест левой рукой, и полицейские опустили ружья. Но один ствол все же остался наготове: «питбуль» самого Жан-Жермеса. Старик не собирался верить мне на слово.

Оно и понятно. Мало ли чего можно ожидать от овеумного наркомана.

Инспектор отступил на полшага назад.

Я кивнул ему, стараясь оставаться спокойным, хотя и понимал прекрасно: скрыть то, что сижу на овеуме, становится все сложнее. Опытный человек догадается, ведь все признаки налицо: обильное потоотделение, голубоватый оттенок глазных белков, постоянная жажда и заторможенные реакции, больше похожие на равнодушие.

Да, все это и у меня было.

Но от химического кода так просто не отказываются. Оно давало отличные возможности для заработка.

Вот и я однажды взялся делать деньги. Думал, достану немного овеума, приму, временно получу силы инфира, попробую мутировать пару полудрагоценных побрякушек и сбывать на Рынке Нищих.

Достал. Принял. Мутировал. Сбыл. Потом еще мутировал и еще сбывал... и не смог себя остановить, хотя знал, что все это наказуемо.

Да и некоторые ингредиенты для мутаций приходилось искать с большим риском. Ведь если напорешься на подсадных уток или поймают за руку прямо в лаборатории – готовься минимум к двадцатилетнему тюремному сроку.

И ведь полтора года никаких проблем. Все тихо и спокойно.

Я расслабился, крепко подсел на овеум, увлекся процессом мутаций, наладил поставки и... вот: бестолковый недоросль заподозрил во мне овеумного наркомана и с радостью слил обо мне информацию.

И не абы кому, а самому Тильдо Жан-Жермесу – инспектору с железной хваткой и чутьем на зависимых. Этот старик если уж вцепится, то не отпустит, пока не добьется казни.

– Хорошо, инспектор. Но вы обещали извиниться, – под дулом «питбуля» я сделал шаг к учительскому столу и заглянул под крышку. – Хм, странно. Мне кажется, до вашего прихода здесь ничего не было. Наверное, коллега оставил.

Пожав плечами, я вынул чемоданчик из дорогой крокодиловой кожи с резной ручкой из слоновой кости и поставил его на стол. Подобные чемоданы обычно берут с собой зажиточные граждане Лэнсома, когда отправляются в недалекое путешествие на поезде. Я себя к таковым, конечно, не причислял.

Да, чемодан был дорогой.

И да, это был *мой* чемодан.

Хиггинс не лгал: без него я не отправлялся даже обедать.

Везде носил его с собой, а когда ложился спать, то клал его рядом с подушкой, а сверху него ружье и специальную трещотку, сделанную уже давно почившим черным волхвом и проданную мне в одной из подворотен по заоблачной цене.

Я никому не позволял притрагиваться к своему чемодану. И сейчас не позволю. Пусть лучше отрубят мне руку.

– Нет тут никакой защиты, инспектор. Сами посмотрите. Все чисто, – я провел ладонью по бокам чемодана и звучно хлопнул по крышке.

Один из полицейских вздрогнул и снова взял меня на мушку. Жан-Жермес продолжал наблюдать. Я покачал головой и улыбнулся, заставляя его задержать взгляд на моем лице.

Теперь у меня оставался лишь один вариант спасения, и он всегда был наготове, где бы меня черти ни носили...

Я молниеносно вынул из кармана брюк пузырек с темной вязкой жидкостью и бросил себе под ноги. Последовал скрежет, потом – смачный хлопок.

Уши заложило от взрыва черных молний. И тут же прогремел выстрел.

В раскрывшуюся у моих ног яму-портал я успел швырнуть только чемодан, и в то же мгновение меня сшибла пуля револьвера. Я повалился на бок, с грохотом уронив за собой стул. Правое бедро взорвалось болью, и я зажмурился, на пару секунд даже забыв, где нахожусь.

Кабинет заполонили пороховой дым, вонь и жар открыв-

шегося портала. Запах взорвавшейся смеси стоял чудовищный. Такое ощущение, что прорвало канализацию сразу всего городского квартала.

У меня оставалось еще секунд пять до закрытия портала, и с таким ранением я бы смог до него добраться. Успел бы, пока полицейские сбиты с толку взрывом.

Но, черт...

Пуля... пуля, что вошла в мое бедро...

Боль от нее оказалась настолько сильной... чудовищно сильной... такой, что помутилось сознание. Нижнюю половину тела парализовало, и сил хватило лишь на то, чтобы коротко, с хрипом, вдохнуть и приоткрыть глаза.

Перед носом мелькнули грубые ботинки инспектора, вымазанные черной ваксой, а потом я услышал его голос:

– У меня приказ взять тебя живым, Питон, желательно с пулей в теле. Именно с этой пулей. Но будь моя воля, я бы с удовольствием пустил ее тебе в лоб... потому что твое место только в аду. – Он помолчал и добавил шепотом: – И там тебя уже ждут, Рэй...

Глава 4. Знакомство с Херефордом

Запах.

Это первое, что я почувствовал, когда очнулся.

Он и привел меня в сознание. Во рту появилась горечь, нос уловил вонь азотного анестетика и серы. Кажется, так пахнет состав сковывающей сыворотки, которой не гнушаются пользоваться полицейские. Я лежал в липкой полудреме, раскинув руки, и думал о запахе целую вечность...

Но тут в затуманенном сознании вспыхнула картина моего задержания: вот я сжимаю горло Хиггинса, и дуло «питбуля» холодит мне затылок, а вот, уже через пару минут, пуля прошивает мое правое бедро.

Дьявол.

Глаза распахнулись сами собой. Я поморгал и кое-как сфокусировал взгляд.

Надо мной висела многоярусная люстра из синего хрустала. На мгновение показалось даже, что она срывается, не выдержав собственного веса, и летит прямо на меня. Огромная, тяжелая, надвигается, сверкая стеклом и металлом.

По влажной спине пронесся холодок.

Подобную люстру я уже видел в детстве, на листовке, посвященной открытию новой, третьей по счету тотемной структуры – Ордена Волка. Он занимался исполнением наказаний.

В стенах его многочисленных тюрем казнили природных адептов. Тех, кому не нужен овеум, чтобы извлекать и управлять кодо. Особо опасные адепты объединяли природную мощь с боевыми искусствами и техниками, говорят, смесь после этого выходила адская.

Я же создавал для себя не природную, а химическую силу, и делал это с помощью овеума. Наркотик давал мне суточное кодо с индексом не больше «ноль-шесть». Этого хватало, чтобы подделывать побрякушки не самого высокого качества. Я не имел отношения к полноценным природным адептам, и вряд ли Орден Волка снизошел бы даже до моей казни.

Но тогда что делает надо мной эта паршивая люстра? Точнее, что под ней делаю я?..

Взгляд сам собой бегло считывал обстановку: большой каменный зал, камин в углу, лепнина и фрески на потолке, дорогая золоченая мебель, картины. Сам же я лежал на широком столе прямо посередине гулкого помещения, ровно под люстрой.

– Очнулись? – послышался тихий голос.

Сердце пропустило удар и сжалось от необъяснимого ужаса.

Я кое-как повернул голову и увидел крупную фигуру в углу комнаты. В полумраке разглядел лишь длинный кожаный плащ с поднятым воротником и возвышающуюся над ним шляпу. Лицо незнакомца скрывала темная маска.

– С вами хочет поговорить мой хозяин, – сказал он все так же тихо. – Мне велено сообщить, мистер Питон, что пока вы были без сознания, суд по вашему делу состоялся. Вас приговорили к смертной казни через повешение. Без права на помилование.

Вот теперь мне стало совсем дурно.

Нет, я, конечно, ожидал такое услышать, но... черт... после этих слов в душе образовалось что-то вроде выгребной ямы: забурлило отчаяние, разум охватило желание вскочить и сделать хоть что-то.

Однако вскочить бы у меня не получилось. Я лишь поелозил губами друг о друга, еле разлепил их и хрипнул:

– Кто вы?.. И кто ваш хозяин?

Ответом мне стали глухие шаги. Секундная задержка – и дверь в зал распахнулась, ударившись о стену.

* * *

В зал вошел мужчина в синей форме тэна – тотемного агента и военнослужащего. На его груди блестел знак агентской неприкосновенности: голова волка над перекрестьем двух револьверов, нацеленных стволами вниз.

– Меня зовут Эдуард Зивард. Я тэн Ордена Волка, – представился мужчина, глядя на меня сверху вниз. – Действую по поручению Тадеуша Ринга.

Если честно, то мне было плевать, как его зовут и по чье-

му поручению он действует. Плевать, что он тэн и что тэнов так близко я ни разу в жизни не видел. Только на параде и издалека.

Все мои мысли заняла фраза: «Вас приговорили к смертной казни через повешение. Без права на помилование».

Зивард кивком головы показал на помощника – того незнакомца в маске.

– Это черный волхв, его зовут Херефорд.

Он сказал это так обыденно, будто представил мне соседа или сослуживца. У меня же дыхание перехватило.

Черный волхв...

Тот, кто находится над всеми уровнями адептов кодо. Один из тех, кого считают врагами человечества и всего святого на Земле. И один из тех, кого в первую очередь казнят тэны Ордена Волка. Индекс кодо этих существ настолько высок – больше тысячи, что они не считаются даже людьми. И за такими в Бриттоне идет постоянная охота.

Я думал, что все черные волхвы, коих в живых осталось совсем немного, попрятались в таких глубоких подпольях, куда даже свет не заглядывает, не то что Орден Волка. Но вот этот волхв... Спокойно стоит рядом со своим официальным врагом, даже хозяином его называет и делает вид, будто все в порядке.

– Рэй Питон, – обратился ко мне тэн Зивард, – ты знаешь, почему находишься здесь?

Я отвернулся и уставился на люстру, хотя повороты голо-

вы давались мне нелегко.

– Ясно. Вопрос второй. – Зивард с маниакальным упорством продолжал свой бессмысленный допрос. – На своих нелегальных делишках ты прилично зарабатываешь, но за жилье задолжал. Мало того. Обитаешь в самом нищем районе города и экономишь на еде. Куда ты спускаешь деньги?

И на этот раз я тоже промолчал.

– Молчишь? Ну... языки-то мы умеем развязывать, и не таких кололи. Повторяю вопрос: куда ты тратишь заработок? – напирал Зивард. – На бордель? На карточные игры? Я навел справки. В «Доме радости мадам Мускат» ты появлялся всего пару раз за последние полгода, а за карточным столом тебя вообще никогда не видели. Так куда ты тратишь деньги, Питон?

Я кое-как оторвал взгляд от синей люстры и повернул голову, снова посмотрев на тэна.

– Я стажер, денег у меня нет.

– Издеваешься?

Конечно, я издевался.

А как еще можно было скрыть то, что деньги я копил на покупку особняка «Бэгор-Холл» в элитном районе Лэнсома. И мне осталось совсем чуть-чуть до солидной суммы в пять миллионов суренов, чтобы стать его владельцем и основать свой собственный род.

Но сейчас я уже ни в чем не был уверен, поэтому изображал идиота, а не богача.

– Думаешь, у нас нечем тебя прижать, Питон? – Зивард от злости скрипнул зубами. Посмотрел на меня уничтожающим взглядом и повернулся к помощнику: – Херефорд, попробуйте вы.

Послышался тяжелый вздох.

– С ним нужно по-другому, тэн. С ним нужно совсем, совсем по-другому... – Сизая маска адепта потемнела (или показалось?). – Встаньте, мистер Питон. Поднимитесь на ноги. Действие сыворотки уже прошло.

Его слова сработали как заклинание.

По мышцам пробежали волны жара. Я дернул плечами, пошевелил руками, согнул ноги в коленях. Теперь я и вправду мог двигаться практически свободно. Будто разом разморозили.

Я сел на столе и первым делом осмотрел раненое правое бедро. На фоне синеватого света люстры мое голое колено, торчавшее из рваной дыры на штанине, казалось болезненно серым. Но вот какое дело...

Раны я не обнаружил. Совсем. Ее на бедре не оказалось. Только уродливый шрам на коже, формой напоминающий кляксу.

– Удивлены, мистер Питон? – спросил Херефорд. – Вы ведь не ощущаете боли, правда?

Я нахмурился и уставился на волхва, пока еще не в силах слезть со стола и встать на ноги.

– Херефорд потратил на тебя много кодо, – улыбнулся тэн

Зивард.

– Кодо? – я прищурился. – Вы позволили черному волхву колдовать над человеком? Вы, агент Ордена?

Тэн захохотал. Эхо от его смеха размножилось в потолке, а потом охватило и весь полупустой каменный зал.

– Не тебе говорить мне о законности, мелкий преступник. И не тебе упрекать меня в отсутствии совести, грязный наркоман.

Я мало понимал, что сейчас происходит. Если эти двое намерены оставить меня в живых, то явно не просто так. Но что им от меня нужно? Чтобы я сдал им поставщика овеума? Если так, то очнулся бы я не здесь, а в тюремной камере. Там, где овеумных наркоманов не называют по имени и не обращаются к ним на «вы». Там, где хрустят кости, а умельцы знают толк в выколачивании правды.

Нет, здесь дело в другом.

Я медленно слез со стола и выпрямился. Еще раз сунул руку в рваную дыру на штанине и провел ладонью по месту, где от раны осталась лишь отметина шрама.

– Ищете подарок инспектора? – Херефорд достал из кармана плаща серебристую пулю. Та блеснула в его руке, обтянутой перчаткой. – Ищете это?

Пуля перекатывалась по ладони волхва, а он поигрывал пальцами. Маска скрывала его эмоции, но вот по голосу я понял, что он улыбается.

Этот ублюдок улыбается!

Я сделал шаг к Херефорду, мысленно распланировав, куда ударю его сначала, чтобы дезориентировать наверняка.

— Оставайтесь на месте, для вашего же блага, — предупредил он тут же. — Я знаю, какой вы ловкий боец, и обязательно проверю это позже, не сомневайтесь. Но сейчас я кое-что вам объясню. Эта пуля... она особенная. Когда инспектор собрался вас арестовать, то зарядил револьвер единственным патроном. И вынув из вас эту пулю, я вынул из вас и рану... и боль, что она доставляла. Прекрасно, не правда ли?

Я промолчал. Внутри все напряглось в ожидании развязки этого странного разговора.

Голос волхва стал громче и неприятнее, а его маска почернела.

— Наверное, вы не совсем понимаете свойства этой пули? Я объясню еще кое-что. Эта пуля позволяет не только забрать боль, но и отдать ее обратно. Отдать в разы более сильную боль. В десятки и сотни раз более сильную. Показать вам, как это бывает?

Дважды повторять не пришлось. Я тут же понял, что сейчас случится...

И оно случилось.

* * *

Херефорд сжал пулю в кулаке, поднес к губам и зашептал. В это время тэн Зивард сложил руки на груди, сделал шаг

назад, к стене и продолжил наблюдать.

Сначала я ощутил покалывание в правом бедре, прямо на месте шрама, будто кто-то невидимый ткнул в мышцу рапирой. Место укола принялось нагреваться... нет... нестерпимо жечь. Боль становилась все сильнее и объемнее, все интенсивнее.

Я попятился, обхватив бедро ладонями, но как только прикоснулся рукой к коже, ее охватило еле переносимым жаром. Мое отступление остановила стена, я ударился лопатками о холодный гранит. Буквально вжался в него.

Боль продолжала подавлять, сверлить, жечь, рвать мою ногу на части, а вместе с ней и все тело.

– Какого... хрена... вы творите?.. – еле выдавил я.

Маска Херефорда следила за мной безотрывно.

– Думаю, этого еще недостаточно, – тихо сказал он. – С вашим упрямством нужно больше боли, – он повторил это еще раз: – Нужно. Больше. Боли. Нужно! Больше!.. Боли!! Нужно больше боли!!!

Кожаная перчатка волхва скрипнула от напряжения: он сжал кулак с пулей сильнее... еще сильнее... еще...

Не удержавшись на ногах, я соскользнул по стене на пол. Хрип расцарапал горло, но стон я подавил. Эти сволочи не дождутся от меня ни звука. Уж лучше сдохнуть.

Я повалился на бок, скорчился на полу, а боль, эта адская нечеловеческая боль продолжала раздирать мое тело, перекачивалась по костям. Она хрустела во мне, перемалывала,

заживо разбирая меня по кускам. Пространство поплыло перед глазами, живот скрутило от сильного рвотного позыва. Я зажмурился до онемения век и громко засопел. Тело сковало судорогой, я перекатился на живот и уткнулся лбом в пол. Казалось, мышцы вот-вот лопнут от напряжения.

– Мистер Питон? – услышал я сквозь шум в ушах. – Мистер Питон?..

Говорить я уже не мог. Даже шептать. Лишь закусил губу, ощущая сладко-соленый вкус крови на языке. Еще чуть-чуть – и откушу половину собственной нижней губы. И воздух... воздуха не хватало...

– Херефорд, хватит! – выкрикнул Зивард. – Хватит, я сказал! Он готов!

– Нет, мне нужно его дожать, – возразил Херефорд. Его голос стал ближе и громче: – Слышите меня, мистер Питон?.. Черт... Эй, приятель?

От боли у меня онемел язык, но я сделал над собой невероятное усилие.

– Пош-ш-шел... на хрен, – прокашлял я, забрызгав кровью пол. – Пошел... на хрен, ублюдок. Я тебе... не приятель... паскуда с-сраная...

Волхв тихо рассмеялся.

– Он мне нравится, тэн Зивард. Очень занятный стажер... Мистер Питон, сейчас я заберу вашу боль. Потерпите.

Наступила тишина.

И в этом вязком тяжелом безмолвии моя боль начала та-

ять. Она медленно уходила, отпускала, опустошала меня, оставляя после себя зыбкую сладость и незавершенность. Тошнота прошла. Вместе с судорогой ушел и мороз, охвативший кожу.

Я завалился на спину и распластался на полу, не в состоянии встать, а эти два живодера опять надо мной возвышались.

– Отличная демонстрация, Херефорд, – кивнул тэн Зивард своему помощнику и посмотрел на меня: – Итак, Рэй, думаю, ты понял, чем тебе обернется твой отказ? Если ты посмеешь отказаться.

– Вы мне ничего... не предлагали... – прохрипел я.

Зивард указал большим пальцем в угол.

– Ты не заметил, что там?

Я еле перевел дыхание после пережитого болевого шока и посмотрел туда, куда указывал Зивард.

На полу, в самом углу зала лежало что-то, полностью покрытое белой простыней. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что это человек.

Он не шевелился, вообще не подавал признаков жизни.

– И кто это? – выдавил я, не сводя глаз с лежащего под простыней тела.

– Это? – Зивард усмехнулся. – Это твой билет на волю, Питон. Под этим покрывалом сокрыта твоя свобода.

Острые мурашки поползли у меня по спине: нет, таким тоном свободу не предлагают.

– Мы хотим, чтобы ты отправился в Ронстад под видом природного адепта кодо, – продолжил Зивард. – Конечно, твоя кандидатура не самый лучший вариант для миссии, но предыдущие парни не справились. Первого раскрыли и зарезали назавтра же, а второй не вытянул и недели. Умер от лихорадки. Нам нужен такой, как ты. Прожженный тип, умеющий за себя постоять. Ты далеко не глуп. Даже получил работу без поддержки рода.

– Вы меня переоцениваете, тэн, – я выдавил улыбку, хотя улыбаться мне сейчас хотелось меньше всего.

Мои слова Зиварду не понравились. Его лицо превратилось в каменную маску с одной лишь эмоцией презрения.

Он сощурился и процедил:

– Мне нужен боец под прикрытием. В Ронстаде тебе необходимо будет найти одного адепта. Он кое-что затеял, возможно, даже против имперского рода, а когда понял, что мы заметили, сразу залег на дно. Его покрывают местные правящие кланы. Твоя задача втереться к ним в доверие и найти этого адепта. Подробные инструкции, имя объекта и с чего начать поиски, все это получишь в письме. И чтобы никакой самостоятельности!

Зивард смолк на несколько секунд и махнул в сторону волхва.

– Херефорд снабдит тебя овеумом, но нужно, чтобы ни один адепт Ронстада не заподозрил, что ты принимаешь таблетки. Пользуйся химическим кодо, будто оно природное. И

как только выяснишь то, что нам надо, сразу сбросишь наркоту. После этого мы заберем тебя из Ронстада уже на официальных основаниях, понял? Ты понял, Рэй? Мне надо от тебя только одно: чтобы ты узнал, где находится нужный мне человек. Лишь его точное местонахождение. Ты должен найти и увидеть его в лицо. Для такого типа, как ты, это несложно ведь, правда?

Я даже бровью не повел, но выдержал паузу.

Мутное задание, мутные типы, мутный Орден...

Неужели они сами не могут послать в Ронстад своего проверенного агента, тоже снабдить его овеумом и поручить методично обшарить все закоулки. Город-то закрытый, все равно далеко не убежишь, даже при поддержке правящей элиты.

Почему именно я? Почему таким нелегким путем: с пулей в ногу и с пытками?.. И на хрена им такой ненадежный товарищ, как овеумный наркоман? Окочурюсь в один прекрасный момент или засвечусь с овеумом, и дело само накроется.

Зачем столько хлопот?

Зивард может сто раз твердить мне, что я лучший боец Лэнсома и ловкач каких свет не видывал (а это далеко не так). Что я тот, кто родился только для того, чтобы отправиться в Ронстад под прикрытием, но все это не меняло сути: им нужно от меня совсем не то, что они говорят.

Я приподнялся на локтях и сел, навалившись спиной на стену. Снова глянул в сторону лежащего под простыней тела. Пригладил волосы, прочистил горло, смахнул с пиджа-

ка несуществующую пыль (короче говоря, потянул время) и только потом ответил:

– Нет. Не договорились. Я провалю задание, и вы это понимаете. В Ронстаде сразу поймут, что я на овеуме сижу. Там не идиоты живут, они меня даже в город не пропустят.

– Мы все устроим... – начал было Зивард.

– Мистер Питон, – перебил его Херефорд, – насколько я помню, у вас есть младшая сестра... Ребекка, кажется? Она, конечно, вам не родная сестра, но относитесь вы к ней по-братски. Говорят, она не от мира сего. Чокнутая, если по-простому.

Меня охватило морозом. Какого дьявола он вспомнил о Ребекке?

Но внешне я оставался спокойным:

– Ребекка пропала три года назад. Вы должны это знать, если уж наводили справки.

– Это официальная версия, – отчеканил волхв. – На самом деле три года назад вы упекли вашу умалишенную подругу Ребекку в «Дом радости мадам Мускат».

Каждое слово адепта все сильнее пригвозждало меня к полу.

Я вглядывался в сизую маску Херефорда, пытаюсь разглядеть в нем хоть какие-то человеческие черты, а тот продолжал выдавать четко и безжалостно:

– Вы, мистер Питон, вдруг обнаружили, что ваша сестрица, хоть и безумна, но привлекательна. А это значит, что

можно зарабатывать на ней деньги. Вы ведь из всего делаете деньги, даже из воздуха. Ведь так, мистер Питон? Возможно, глупышка и не осознает, что друг по приюту сделал ее труженицей борделя. Вы иногда ее навещаете, чтобы присвоить себе заработанные ею деньги.

Я не сводил с Херефорда глаз.

Черт возьми. Не думал, что они настолько глубоко покопались в моей биографии. Правда, в одном они ошиблись: Ребекка в борделе не работала, она там пряталась, а деньги я у нее не забирал, а наоборот, приносил ей на еду и одежду.

– И что дальше? – Я взглянул сначала на Зиварда, потом на Херефорда, одинаково ненавидя их обоих.

Херефорд усмехнулся.

– Вы все прекрасно понимаете, мистер Питон. Вы далеко не идиот. Но в данном случае вам не нужно думать, вам нужно всего лишь сделать то, о чем мы вас просим. Поехать в Ронстад и найти нужного человека. И если вы откажетесь помочь нам, то на основании медицинских заключений наш Орден поместит вашу сестру в больницу для душевнобольных в Эгвуде. Вы слышали, что там делают с людьми? Из больницы Святого Патрика пациентов выписывают только на кладбище. Вы знаете об этом. Ведь по этой же причине вы свою сестру и спрятали в борделе, там все женщины немного безумны, а на фоне всеобщего безумия ваша сестра выглядит вполне нормальной.

Я поморщился. Как бы я ни прятал Ребекку, они ее нашли,

а она была единственным по-настоящему близким для меня человеком. И отличным рычагом давления.

– По вашему лицу, мистер Питон, я вижу, что вы согласны. Я прав? – уточнил Херефорд. – Ваше молчание означает «да»?

Я смерил его взглядом.

– Оно означает «гори в аду, говнюк».

Херефорд и Зивард переглянулись. Тэн кивнул и приказал волхву:

– Действуйте, Херефорд. Он сделает все, что нам надо, а надо нам совсем немного. Найти человека. Разве это много?..

* * *

Я плохо помню, что случилось дальше.

Обрывки, вереницы туманных картин и неясных ощущений, провалы... провалы памяти... темные пятна...

Помню, как маска Херефорда маячила перед моими глазами. Маячила долго, целую вечность, занимая собой все пространство, весь зал, все мое сознание. Волхв завывал, бормотал долго и нудно, но что бормотал, я не понял. А потом сквозь тонкую стену тумана я увидел лицо парня. Это был он. Тот самый человек, что лежал под простыней в углу.

Я знал это точно, хоть и не видел его раньше.

Голос Херефорда рваным эхом летал по залу, двоился, троился в каменных стенах. И вместо четких воспоминаний

О тех страшных часах я помнил лишь мельком, как проснулся на больничной кушетке, помнил отражение в зеркале.

Не мое отражение.

На меня смотрел семнадцатилетний парень, худой холерный аристократ, без единого признака овеумного наркомана на лице. И ему предстояло выжить там, где такие, как он, не выживают...

Глава 5. Удары в спину

«Лэнсом – Ронстад» – в поезд по этому направлению садились только два типа пассажиров: заключенные и надзиратели.

Природные адепты кодо отправлялись из столицы в Ронстад. Размещали их в вагоне из особенного материала: это была сталь с напылением из дериллия – металла, подавляющего кодо.

Мест в вагоне было штук пятьдесят, но почти все пустовали. Вместе с собой я насчитал всего восемь пассажиров: шестерых мужчин и двух женщин. Изредка они косились друг на друга, изучали, кому вместе с ними не повезло попасть в этот паршивый поезд. На себе я тоже чувствовал взгляды, и от этого становилось не по себе.

Шутка ли. Семь адептов и я – человек без силы. Неужели они не ощущают, что я не один из них?

В горле вдруг запершило от перспектив попасть в город, где таких вот природных адептов тысячи. Если они узнают, что я заслан ненавистным Орденом Волка, они от меня мокрого места не оставят. Да, вот эти джентльмены в приличных костюмах и дамы в шляпках и длинных юбках с рюшами разорвут меня на части.

От этой мысли меня пробирала дрожь.

К тому же с утра я закинул в себя четыре таблетки овеума.

Меня одновременно подташнивало и распирало от неуместной эйфории, порой начиналось головокружение, по коже гулял мороз. Четыре таблетки – слишком большая доза даже для меня, человека, полтора года сидящего на овеуме почти без перерыва.

– Извините, мистер. Бога ради, извините, но я не могу вам этого не сказать... – Голос, внезапно прозвучавший рядом, заставил меня нахмуриться.

Это ко мне сейчас обратились?..

* * *

Напротив меня сидели девушка и парень, оба явно с южных колоний, жители хэдширских полей.

Парень был прилично постарше меня (теперешнего меня, конечно), поджарый, обросший недельной щетиной, в обтрепанных сапогах, вылинявшей рубашке, жилете и грубых рабочих брюках на подтяжках.

Но особенно бросалась в глаза его шляпа.

Старая, фетровая, с загнутыми по бокам полями и обмотанным вокруг тульи куском веревки. И этот парень был единственным мужчиной в вагоне, кто сидел с покрытой головой.

Ко мне же обратилась его спутница.

Хорошенькая, с загорелой матовой кожей и черными, с агатовым блеском, волосами. Совсем юная, да и по виду

слишком наивная. К тому же беспокойная и суетливая. Таких я называю «простушка с фермы».

И судя по ее красноватым обветренным рукам, она действительно трудилась на ферме. Тут не ошибешься: в Хэдшире, кроме ферм и плантаций, ничего практически и нет.

– Извините, мистер, – снова забормотала девушка, как бы невзначай, но кокетливо поправив прядь, выбившуюся из-под шляпки. – Ваш чемодан испачкан. Возможно, вы не заметили... Сегодня был такой ливень... и лужи... везде эти лужи.

Она оценивающе пробежалась взглядом по моему дорогому костюму, тут же обозначив у себя в голове мой статус: зажиточный горожанин, возможно, сын фабриканта-аристократа, молод, а значит, не женат.

С другой стороны, какая ей разница, кто я такой?

Все мы едем в Ронстад, закрытый и грязный город, а там любой зажиточный горожанин легко превращается в нищего калеку. Но возможно, девчонка полезла ко мне из вежливости, а у меня и вправда испачкан чемодан. Только и всего.

Я уронил взгляд на свой багаж. Бок чемодана пестрел брызгами жидкой красной глины. А я ведь даже не заметил, когда он успел так вымазаться.

Дорогим костюмом и увесистым багажом меня снабдил тэн Зивард, а Херефорд положил в чемодан столько овеума, что я бы мог безбедно жить до старости. Или сотню раз сдохнуть от передозировки, если вдруг решил бы покончить с

собой.

– О, спасибо, что сказали, – поблагодарил я девушку. – По приезде обязательно его отчищу.

Я все никак не мог привыкнуть к своему новому голосу: негромкому, с идеальным лэнсомским произношением (черт, даже голос у меня теперь аристократический).

Попутчица улыбнулась и протянула мне руку.

– Джозефин Ордо. Но настоятельно прошу называть меня Джо. Только Джо.

Я замешкался. А вдруг она почувствует, что я не владею кодо, когда прикоснется ко мне? Кто же поймет этих адептов и то, что они чувствуют?

Ее рука все еще ожидала от меня элементарной формы этикета. Пришлось отвечать на вежливость.

– Рэй, – представился я и легонько пожал узкую теплую ладонь девушки.

– Просто Рэй? – удивилась она. – Рэй, и все?

– Рэй Питон.

– Очень приятно.

Рукопожатие новой знакомой вышло крепким. Руки у нее были сильные. Зато так мягко и длинно мое имя не произносила даже сестра.

Взгляд девушки стал лукавым и заинтересованным. Однозначно, передо мной сидела любительница совать нос в чужие дела. Терпеть таких не могу. Усердных... даже усердствующих. Еще и мужским именем просит себя называть, а

это показатель избытка ерунды в голове.

– А чем вы занимаетесь, Рэй? Точнее, кто вы по ПГИ?

Я чуть было не спросил, что такое «ПГИ». К счастью, удержался от вопроса. Вспомнил, что разговариваю с адептом, а значит, о кодо. Но вот что конкретно значило «ПГИ», я не знал.

Мои мозги хоть и пребывали сейчас в наркотическом тумане, но все же поднапряглись и сообразили, как умело уйти от вопроса.

– Я могу позволить себе не работать, мисс.

Но девушка стояла на своем:

– Нет, я про ПГИ спросила. Кто вы по ПГИ?

Вот послать бы ее к черту.

– Не хотелось бы об этом распространяться, – сухо ответил я.

Кажется, сработало. На лице девушки отразилось понимание.

– Вот знаете, – забормотала она, – когда я говорю о пяти грязных искусствах, меня всякий раз пробивает дрожь. Ведь не так они должны называться. Но все же... Рэй... откройтесь. Я никому не скажу.

Я растянул губы в вежливой улыбке. Ага, как же, не скажешь. Да у тебя язык без костей, детка.

Зато теперь мне стала известна расшифровка «ПГИ» – пять грязных искусств. Только вот какие искусства имелись в виду...

Ну что ж, была не была, прощупаем почву.

– Я занимаюсь мутациями.

– Мутации? – Девушка всплеснула руками. Повернулась к молодому человеку, что сидел рядом и мрачно глядел в окно (судя по ядреному запаху перегара, он пребывал в состоянии жуткого похмелья). – Ты слышал, Генри? Генри! Он владеет кодо алхимических мутаций. Это так здорово. – Она взглянула на меня полными восхищения глазами. – А я инфир по искусству призыва. Воронки смерти, шепот, перерождение... Я даже Лемегетон читала. И знаю ключи и печати всех семидесяти двух демонов. А еще я изобретатель. Изобретатель, понимаете? Но никогда еще не встречала настоящего мастера по мутациям. Вот это да! Как же мне повезло.

Да уж, повезло. Ничего не скажешь. Эта дружелюбная крошка работает с мертвыми и демонами, да еще и пафосно изобретателем себя называет. И что она изобретает, страшно даже подумать.

Угроздило же меня.

– А Генри, знаете, кто? Вы очень удивитесь... – продолжила щебетать девушка, но тут приятель ее остановил.

– Хватит, Джо. Оставь его в покое. Мы не на увеселительной прогулке, мы в тюрьму едем. Не вижу в этом ничего радостного и удивительного.

Джо скривила мину и пробурчала:

– Тебе бы стоило быть повежливее, Генри.

– А тебе стоило бы повзрослеть и перестать считать дру-

зьями всех, кто тебе улыбнулся, – бросил ей тот. Скользнул по моему лицу брезгливым взглядом и добавил: – Особенно, когда перед тобой сопливый аристократишка с тугим кошельком. Этого хилого пижона зарежут в Ронстаде сразу же, как только он сойдет на перрон. Гарантирую.

Я даже бровью не повел. Пусть болтает обо мне все, что вздумается, у меня свои задачи.

Но Джо вскочила.

– Знаешь что, Генри?.. Я... мне надоели твои придирки. Каждый раз одно и то же... даже поболтать ни с кем не даешь... – Она еле справилась с возмущением и выдавила: – Мне нужно в дамскую комнату.

Развернулась и быстро проследовала в конец вагона, шурша юбками. Затем скрылась за дверью.

Приятель Джо откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, надвинув шляпу на лоб. Я же отвернулся и уставился в окно, но краем глаза все же заметил: как только Джо вышла, за ней проследовал один из гвардейцев, охранявших пассажирский вагон. И взгляд у парня был очень недобрый. Знаю я такой взгляд. С охотничьим влажным блеском.

За два часа поездки этот усатый парень посмотрел на Джо раз десять, глазами ее раздевая...

Я вынул из кармана пиджака часы, отщелкнул крышку.

Говорливая изобретательница отсутствовала уже двенадцать минут. Даже с учетом всей возни с юбками, времени прошло уже прилично. Да и гвардеец еще не вернулся, что

тоже наводило на нехорошие мысли.

– Пройдусь, – бросил я спутнику Джо и поднялся.

Тот даже не пошевелился.

Я пробежался взглядом по лицам унылых пассажиров, повел плечами, делая вид, что разминаю затекшие мышцы. Сунул руки в карманы и прогулочным шагом двинулся в сторону соседнего вагона, где находились уборные.

Охрану я особо не интересовал. Они понимали, что в поезде «Лэнсом – Ронстад» адепты бессильны, и откуда им было знать, что я принял овеум. На химическое кодо дериллий в стенах поезда не действовал.

Я открыл дверь и вошел в пустой вагон.

Ни гвардейца, ни девушки.

Странно. Возможно, я слишком мнительный, и нужно все-таки доверять людям?

Но тут из дамского туалета послышался сдавленный писк, потом мужской вздох. И снова писк. Вот зараза!..

* * *

Растерянность мне не свойственна, но сейчас меня охватила именно она. Вместе с сомнением – вдруг показалось?

Чушь. Ты же сам знаешь, что это чушь. Тогда какого черта ты медлишь, Рэй?.. Наверняка потому что тебе не нужны проблемы с гвардейцами, и ты не идиот. Ну и пусть развлекаются в сортире, тебе какая разница?

Не лезь. Просто вали отсюда. Но я не смог заставить себя уйти. Негромко, чтобы не привлекать внимания охраны, постучал в дверь женского туалета.

– Джо... вы тут?

И снова последовал писк, куда более громкий и длительный.

Значит, я не ошибся. Людям доверять нельзя.

Я машинально принялся шарить по карманам в поисках вещи для мутации, хотя знал, что шансов мало. При входе в поезд охрана прощупала всю мою одежду. В итоге, кроме часов, я ничего не нашел.

Ладно, и часы сойдут.

Сталь, стекло, серебряная цепь с брелком – тут индекса кодо нужно не больше «ноль-пяти». Металл и стекло в руках мастера мутаций могли приобретать свойства других материалов. Вот только для мутации лично мне нужна была еще и связующая жидкость. В идеале масло.

Сейчас бы очень пригодился мой драгоценный чемоданчик из крокодиловой кожи. Но он покоился на окраине Лэнсома, в гостинице «Лисья нора», в комнате 348. Именно туда я зашвырнул его, бросив в портал.

Из туалета опять послышался писк. А потом скрип сдвинувшейся мебели. Возможно, тумбы с раковиной.

Я никогда не мутировал вещи в полевых условиях, однако выход нашел простой и грубый: просто плюнул на часы, стиснул в кулаке и призвал все свои овеумные силы. Четыре

таблетки должно хватить на такую маленькую вещь.

Будто услышав мои мольбы, часы размякли и начали преобразование, ладонь все сильнее пекло жаром, а я стоял, зажмурившись и сосредоточившись только на предмете мутации.

Нож. Мне нужен был нож. Да, пусть он выйдет совсем небольшим, размером с шило и объемом, не превышающим исходную вещь – часы, но все же это будет оружие.

Когда рука похолодела, я открыл глаза. На ладони лежал именно такой нож, какой я хотел. Стальной, с обоюдоострым тонким клинком.

Ну что ж. Приступим, ведь все остальное – дело техники и опыта.

За свою сумасбродную жизнь я успел взломать сотни замков и открыть те же сотни дверей. А хлипкая дверь туалета – вообще не проблема. Я бы мог выбить ее ногой, но шум привлечет солдат, а этого мне не нужно.

Я вставил клинок в щель рядом с ригелем замка, чуть сковырнул, цепляя его и отодвигая. Надавил на ручку. И недолго думая, распахнул дверь.

* * *

Валяющиеся на полу шляпка, жакет и юбка Джо, вот что я увидел, когда вошел в дамский туалет.

Все сразу стало ясно.

Я быстро запер дверь изнутри, перешагнув одежду и поспешил в сторону раковины, туда, где скрипели ножки тумбы...

И точно. Усатый ублюдок пригвоздил Джо к стене, зажав ей рот. Девушка оцепенела от ужаса. Она стояла растрепанная, в порванной на груди сорочке и чулках. Ее туфли валялись поодаль.

– Я аккуратно... – с придыханием шептал усатый. Его ладонь жадно оглаживала тело девушки, задирала подол сорочки, стягивала белье. – Вот умница, хорошая кодо-ведьма. Если не сопротивляться, то больно не будет... Я аккуратно... будет совсем не больно...

Солдат был настолько занят своей жертвой, что даже не заметил, что в комнате появился кто-то еще. Это могло бы сыграть мне на руку, если б не реакция Джо.

Она задержалась сильнее, вытаращившись на меня во все глаза.

Почуввав неладное, гвардеец обернулся.

– Кто... – начал было он. Но я не стал ждать.

Шагнул к парню и прицельно ткнул его костяшками пальцев в кадык, точно в хрящ. Гвардеец с тягучим сипом отшатнулся, мгновенно отпустил девушку и повернулся ко мне.

Вложив в удар всю силу инерции, я всадил кулак ему ровно в солнечное сплетение, заставляя согнуться. Ребром ладони добавил сверху по задней стороне шеи, а потом, обхватив его голову, добил коленом в лицо.

Все получилось само собой, машинально, но вот мышечной силы мне заметно не хватало.

Противник хрюкнул и осел на пол.

– Если не сопротивляться, сволочь, то больно не будет, – процедил я, сунув к его горлу нож. – Один звук – и прирежу.

Солдат моргнул, давая понять, что на все согласен.

Из носа парня потекла кровь, залила усы, губы, подбородок, закапала на пол. Не отнимая клинка от его горла, я посмотрел на Джо. Та замерла у стены, прикрывая голую грудь рваными половинками сорочки. Девушку трясло мелкой дрожью.

Пришлось прикрикнуть:

– Одевайся! Живо!

Она вздрогнула и кинулась к туфлям, а я снова повернулся к гвардейцу.

– Сейчас девушка приведет себя в порядок, и мы уйдем отсюда. И если ты, ублюдок, хоть слово кому о нас скажешь, я отрежу тебе то, чем ты пытался напугать эту юную особу. Я даже в аду тебя, паскуду, отыщу. У тебя есть сомнения?

Гвардеец сглотнул.

– Хорошо. – Я нажал на его горло сильнее, из пореза выступила кровь. – Но если ты вдруг плохо меня понял...

В ответ он снова моргнул.

Я обернулся, чтобы взглянуть на Джо. Девушка уже надевала верхнюю юбку и жакет.

– Поторопи... тесь.

После того, как я увидел ее практически голой, уже и не знал, как к ней обращаться. Хрен знает, как там было по этикету.

Но Джо внезапно остановила сборы, выпрямилась и посмотрела на меня.

– Спасибо, Рэй, – прошептала она дрожащими губами. – Когда мы пожалуемся полиции, то...

– Мы не будем жаловаться, – отрезал я. – Мы просто уйдем.

– Но...

– Я потом объясню. Одевайся... одевайтесь.

И пока я поправлял сам себя и раздумывал, как бы сделать так, чтобы никто ничего не заметил, гвардеец собрался с силами. В ухо мне прилетел такой удар, что в черепе зазвенело и побелело в глазах.

На секунду я потерял ориентацию в пространстве.

Этого врагу хватило, чтобы на меня навалиться. Ростом и весом усатый явно превосходил меня, тщедушного пацана, да еще и ослабленного овеумом. Его пальцы обхватили мое горло. И так сильно, что я услышал, как в ушах забился собственный пульс.

– Сдохни, кодо-выродок, – зашипел мне в лицо гвардеец. Его окровавленное лицо исказилось гневом. – Сдохни, сдохни...

Нож, выпавший из моей ослабевшей руки, зазвенел о пол. Парень продолжал меня душить, а я захлебывался в соб-

ственных хрипах, не в силах оттолкнуть от себя противника.

Дьявол, как же плохо быть слабым...

– Рэй... Рэй! – заверещала Джо где-то совсем близко. – Боже мой, Рэй!

А потом гвардеец дернулся несколько раз, захрипел, хватая ртом воздух, напрягся всем телом и через несколько секунд обмяк, уронив голову мне на грудь. Его пальцы ослабли и соскользнули с моей шеи. Я вдохнул и закашлялся, кое-как скинул с себя парня и встал на четвереньки. Снова закашлялся.

Пошатываясь, поднялся на ноги.

И только потом увидел, что из спины гвардейца торчит мой нож. Сзади мундир пропитался кровью и был исколот в нескольких местах, как решето. Парень не подавал признаков жизни, а Джо стояла над нами с трясущимися руками.

Я кинулся к гвардейцу, прижал пальцы к артерии на его шее, все еще надеясь, что почувствую хотя бы слабые толчки пульса, но... нет.

Солдат был мертв. Джо ударила его в спину ножом раз десять, не меньше.

– Джо, черт возьми... – выдохнул я, вытаращившись на девушку.

По ее бледному лицу покатались слезы. Она прошептала:

– Рэй... я его убила... – И закрыла лицо ладонями.

Утешать ее времени у меня не нашлось. Я вскочил и огляделся.

В дамской комнате имелись две отдельные кабинки. Я вынул из спины гвардейца нож, вытер клинок о его же мундир и сунул в карман. Подхватил тело под мышки и потащил в одну из кабинок. Кое-как пристроил его, навалив на унитаз, и захлопнул дверь. Потом поковырял лезвием в замке, чтобы закрыть кабинку изнутри.

Джо продолжала завывать.

– Задери юбку, – велел я ей.

Девушка замерла и стихла, убрала ладони от лица.

– Что?..

– Юбку задери, – повторил я. – Быстро!

Мертвецки бледная, Джо отшатнулась от меня. Кажется, она подумала, что я решил закончить дело за гвардейца.

Пришлось действовать самому.

Я подошел к девушке и сам задрал ее верхнюю юбку. Под ней скрывалась еще одна, нижняя. Она-то мне и была сейчас нужна. Приложив немало усилий, я оторвал от подола юбки приличный кусок ткани.

– Мы должны тут прибраться, – пояснил я Джо.

Она дернула головой и ничего не ответила, все еще пребывая в шоке.

Намочив под краном ткань, я принялся протирать измазанный кровью пол. На это у меня ушло минут пять. Так быстро я еще никогда не двигался. От раковины к полу и обратно. До головокружения.

Овеум в моем организме тут же взбунтовался. Стены ком-

наты завертелись перед глазами, в ушах зашумело. Я при-
слонился плечом к стене, и тут, наконец, Джо решила мне
помочь.

– Рэй, отдайте это мне. – Она выдернула мокрую тряпку
из моих рук. – Выдохните, вам дурно.

И пока девушка домывала пол, я стоял, навалившись на
стену и борясь с чудовищным головокружением. Мне сроч-
но нужна была еще одна доза овеума, иначе обморока не из-
бежать.

– Джо... вы закончили? – спросил я тихо.

Девушка уже была рядом со мной.

– Как будто ничего не было, – сказала она. – Пойдемте,
Рэй.

Но как только мы вышли из уборной, напоролись на двоих
солдат.

– Эй, парень, какого черта ты там делал? – возмутился
один.

Собрав остатки сил и воли, я улыбнулся, собственнически
обхватил Джо чуть ниже талии и прижал к себе.

– Знаете, господа, мы... э... с этой мисс... встречаемся.

Джо напряглась, но стерпела мое далекое от деликатности
объятие.

– Решили сделать это в туалете? – поморщился гвардеец.

– Ладно, посторонитесь-ка, голубки, – сказал второй.

А вот это было совсем плохо.

Но тут Джо рывком высвободилась из моих объятий, дви-

нула мне в живот своим маленьким острым кулачком и толкнула в плечи.

– Не будь свиньей, Рэй. Ты меня достал! – взвизгнула она, да так противно, что в ушах резануло. Снова толкнула меня к двери туалета, заставляя вжаться в нее спиной. – У меня есть жених, и хватит таскаться за мной по пятам! – Девушка повернулась к солдатам: – Этот человек меня домогается, вы видели? Даже в туалет за мной притащился, совсем уже совесть потерял. Арестуйте его. Это ваша работа!

Я молча наблюдал за выкрутасами Джо.

Бог мой. Такого красочного и правдоподобного концерта я давненько не видел. Да эта девчонка по силе артистизма и напора дала бы фору даже прожженным работницам легендарного борделя мадам Мускат.

– Заткни свою ведьму, парень, пока она меня не вывела, – процедил с угрозой первый гвардеец.

– Глаза б мои этих кодо-выродков не видели, – добавил его сослуживец. – Ты слышал? Она сказала: «Арестуйте его». Куда его еще арестовывать? Он и так арестован...

Солдаты прошли в другой вагон, за ними гроыхнула дверь, и все стихло.

Джо несколько долгих секунд смотрела мне в глаза. Потом поправила шляпку, одернула юбку и отправилась в салон.

Я проводил ее мрачным взглядом. Вот тебе и «простушка с фермы», Рэй.

Далеко не простушка.

Только из-за нее мне теперь светит куча дерьма. Если убитого солдата обнаружат до приезда в Ронстад, мне уж точно не отвертеться.

Помог человеку, называется...

Я постоял у двери туалета еще с минуту и отправился вслед за девушкой. Головокружение все не отпускало, к нему добавились слабость в ногах и резь в желудке. В придачу, пока я шел по салону до своего места, приятель Джо не сводил с меня тяжелого взгляда, но мне было так паршиво, что плевать я хотел на его взгляды.

Джо что-то нашептывала ему на ухо, а он менялся в лице, его глаза щурились. Когда я уселся в кресло, девушка закончила рассказ и, прикусив губу, покосилась на меня.

Ее приятель вдруг протянул мне руку.

– Генри Ордо, к вашим услугам, мистер...

Меня подмывало съязвить на тему «сопливого аристократишки», но сдержался. Медленно пожал протянутую ладонь.

– Рэй Питон.

– Рэй, – Джо наклонилась ко мне, – неужели ты не понял, с кем только что познакомился?

Я нахмурился и с недоумением спросил:

– И с кем же?

– Ну как же? Его имя известно всем адептам Бриттона. – На лице девушки заиграла гордая улыбка. – Генри Ордо – мой брат. Он медион по искусству элементарей. Тот самый адепт, который в прошлом году сумел сбежать из Ронстада.

Ого! Передо мной сидит медион. Как это он умудрился повысить уровень, а потом еще и сбежать из Ронстада? Интересно. А еще интересно другое: если он уже сбегал из Ронстада и его поймали, на кой черт его отправили туда повторно?..

– Ладно тебе, Джо, – отмахнулся молодой человек. – Мне просто повезло, что не казнили. Даже странно как-то.

Я перевел удивленный взгляд с Джо на Генри.

– И долго ты жил в Ронстаде?

– Три паршивых года.

– Значит, тебе известны все лазейки этого города?

Генри усмехнулся.

И по его усмешке я понял: этот парень знает о Ронстаде немало, а значит, и у меня появились шансы узнать.

Глава 6. Город трех кланов

На место мы прибыли далеко за полночь.

Меня то клонило в сон, то бросало в пот и тут же пробирала дрожь. Давненько мне не было так паршиво...

Ближе к двум часам ночи за окнами вагона мелькнули черные ворота, подсвеченные по периметру вереницами фонарей, и гигантские крепостные стены с рядами охраны.

Таких стен я не видел никогда. Возведенные из камня и металла, толщиной в десятки метров, но их бойницы были предназначены для обороны не от внешнего врага, а от тех, кто нападет из города. Поезд медленно проследовал в приоткрытые ворота, миновал еще одни, поменьше, и на пару минут скрылся в темноте туннеля.

А потом перед глазами предстал Ронстад. Громадный и величественный.

Башни ратуши вдалеке, вымощенные гранитом улицы, театральные площади с фонтанами и памятниками, пара церквей с золочеными крестами, мрачные католические соборы, многоэтажные особняки, блестящие витрины магазинчиков и кафе вдоль тротуаров.

И если забыть об оборонительных стенах, то Ронстад выглядел вдвое богаче и чище столицы.

Правда, неприятные детали все же бросались в глаза: во-первых, на улицах не было ни души, во-вторых, у железно-

дорожных путей стоял заградительный кордон из солдат, и, судя по черной форме, это была военная служба самого Ронстада. И, скорее всего, состояла она из адептов кодо.

Увидев их, Джо заметно занервничала и покосилась на меня. В ее глазах читался страх: она все еще опасалась, что убитого ею солдата обнаружат до того, как мы ступим на землю Ронстада. Я же, как ни странно, оставался хладнокровным (или остатки овеума в крови притупили все чувства и снизили волнение до нуля).

Из вагона мы выходили по одному. Затем гуськом продвигались вдоль заградительного отряда солдат к пункту пропуска. Там проверяли документы.

Когда дело дошло до меня, солдат долго изучал мой паспорт, потом спросил, прищурившись:

– Какой у вас максимальный индекс кодо?

Я пожал плечами, стараясь сделать это как можно непринужденнее.

– Ноль-восемь, не больше.

– Стойте спокойно, я проверю, – потребовал вдруг солдат, хотя до меня всех пропускал без задержек.

Он вынул из нагрудного кармана небольшое устройство в виде прямоугольной призмы и направил на меня. По поверхности стекла побежали зеленые знаки. Солдат нахмурился.

– У вас нулевой индекс, мистер... – он заглянул в мой паспорт, – мистер Питон.

– В чем дело? – К нам подошел Генри.

– Тут решили, что я не адепт кодо, – усмехнулся я, скрывая за усмешкой чудовищное напряжение.

Никогда раньше не видел подобных устройств, вот так, быстро определяющих индекс кодо. Если тут все с такими ходят, то мне не поздоровится. Однозначно.

Солдат снова направил на меня призму. На этот раз она вспыхнула красными знаками.

У проверяющего округлились глаза.

– Сто сорок пять... – он побледнел и потряс призму.

– Пропускай, – ткнул его сослуживец. – Так не бывает... то ноль, то сто сорок пять... И вообще, сто сорок пять – это уровень фортис. К нам таких не отправляют.

Солдат засомневался, но все же позволил мне пройти дальше, одарив напоследок фразой:

– Приятного проживания в Ронстаде, адепт.

От его слов по телу пронесся неприятный мороз (а ведь я начинаю привыкать, что это теперь *мое* тело).

* * *

Я поставил чемодан между ног. Рядом со мной, поеживаясь, остановилась Джо.

– Как холодно, – прошептала она. – Почему здесь так холодно?..

– Ночью здесь всегда холодно, – бросил ей Генри и покопался в мой чемодан. – Что у тебя там?

– Оборудование для мутаций, – ответил я, хотя на самом деле большую часть чемодана занимали пакеты с таблетками овеума. – Без этого чемодана я не смогу выжить, – добавил я.

А вот это уже было стопроцентной правдой. Силы таяли с каждой секундой, а в глазах начинало двоиться. Еще час-полтора я, возможно, продержусь, но не дольше...

– Итак, слушайте сюда, – сказал Генри. – По правилам города, каждому новому горожанину на месяц предоставляют место в общежитии на улице Берроуз. Об этом знают все. И уличные разбойники тоже. Они уже ждут нас там, поэтому мы туда не пойдем.

Я нахмурился и посмотрел вслед уходящим адептам.

– Их бы предупредить...

– Нет, – отрезал Генри. – В Ронстаде каждый сам за себя. Если начнешь всех предупреждать, долго не протянешь. Тем более, для кого-то грабеж – это единственная возможность прокормиться, и они из-под земли достанут гада, который им помешает.

Ронстад – один на всех, и каждый должен принимать его правила.

Джо с тревогой посмотрела на брата.

– И куда нам идти?

– На соседней улице живет мой знакомый. Его зовут Бен. У него трактир, и однажды я помог Бену его отстоять. Пойдем туда.

Генри скептически меня оглядел.

– Одет, как пижон. Это плохо. Если доберемся до трактира, обязательно переоденься. И больше никогда так не одевайся, если не хочешь, чтобы из-за шмоток тебе перерезали глотку.

– Боже, Генри... – простонала Джо.

– И еще кое-что, – добавил тот сухо. – На вокзале, как и рядом с городскими стенами, кодо не действует. Но как только войдем в город, приготовьтесь. Наверняка придется отбиваться... Не хотелось бы встретиться с головорезами из клана Соло. – Генри пронзил меня суровым взглядом. – Рэй, сможешь мутировать вещи на ходу, без раздумий?

Пришлось сказать правду:

– Вряд ли. Адепт я слабый. Мне нужно время и связующие жидкости. Я не так хорош, как хотелось бы.

– Ты очень хорош, – возразила Джо. – Я сама видела. Может, адепт ты и начинающий, но вот реальный боец из тебя неплохой.

На это я лишь покачал головой, вспомнив, как легко гвардеец подмял меня в дамском туалете, стоило только чуть отвлечься. К тому же никаких овеумных сил во мне не осталось, только паршивое состояние, будто я беспробудно пил две недели, а теперь страдаю с похмелья.

Я вынул из кармана нож.

– Зато у меня есть это.

Генри кивнул и обратился к сестре:

– Приготовь к бою, – он снял шляпу и сдернул с тульи ве-

ревку, обмотал ее вокруг правого запястья и водрузил шляпу на место. – Все, идем. И старайтесь без особой надобности кодо не использовать, особенно ночью, когда харпаги наблюдают.

– Харпаги? – переспросил я.

– Потом объясню... – Генри первым двинулся в сторону выхода в город.

Мы проследовали в арку и вышли на привокзальную площадь.

На первый взгляд это была обычная площадь обычного города, но это только на первый взгляд. Если вспомнить вокзал Лэнсома, то вокруг него и днем и ночью сновали автокэбы, мелькали люди.

Здесь же царствовала пустота. Город будто вымер.

– Туда. Быстро. – Генри указал налево, в сторону узкого проулка между двумя двухэтажными каменными домами.

На одном из них висела подсвеченная лампой вывеска «Почтовое отделение № 1 города Ронстад», на втором – «Булочная». Все окна на зданиях закрывали ставни, крепко сколоченные и совсем новые, их еще даже покрасить не успели.

Вдруг душераздирающий крик прорезал тишину, послышался звон разбитого стекла, пьяный хохот. И снова чей-то вскрик.

– Новички напоролись на засаду, – сказал Генри. – Не останавливаемся, идем, идем. Быстрее!

Мне было так хреново, что я молчал и тупо следовал со-

ветам Генри, стараясь хотя бы не отстать. Мы миновали уже половину проулка, когда сзади раздался частый и хриплый смех, а следом прозвучал вопрос:

– Думал, ты тут самый хитрый, малыш Генри?..

* * *

Из глубины теней по обеим сторонам проулка, будто из ниоткуда, возникли четверо.

В тусклом свете луны я разглядел их потные хмурые лица, не обещающие ничего хорошего. У троих в руках блестяли друидские боевые топоры. Острые и легкие. Похожие я видел на мясных рынках Лэнсома, ими удобно разделявать туши и рубить кости.

Главарь шайки подошел ближе. Это был высокий здоровяк в дорогом костюме, идеально пошитом по размеру. Неплохо для уличного грабителя.

– Ка-а-а-а-ай! – проорал он в небо, задрав голову. – Ка-а-а-а-а-ай! Ты ви-и-идишь их?

– Ви-и-и-жу, ви-и-жу, – зашептало отовсюду.

И от этого тягучего шепота меня парализовало мгновенно, холод пронесся по позвоночнику.

А потом я услышал шаги.

С противоположного конца переулка к нам приближалась женщина. Ее тело прикрывала лишь сорочка из белого кружева. Седые волосы, прямые и длинные, источали слабый

голубоватый свет. При каждом шаге незнакомки раздавался глухой деревянный стук, хотя женщина была босиком.

– Кай! – вновь обратился к ней здоровяк. – Смотри-ка, новая кровь, Кай. Кого из них ты хочешь забрать в свой Искусственный сад?

– Приготовьтесь, – шепнул Генри, оглянувшись на меня и Джо. – Это Гарпия Кай. Не грубите ей, и, может быть, она нас отпустит...

Мы встали спинами друг к другу.

Генри вытянул веревку, что обматывала его запястье, и взял ее как лассо, приготовив скользящую петлю. Джо набрала воздуха в грудь и выдала еле слышное «м-м-м-м-м». Я же крепче сжал нож.

Овеум... как же мне не хватало овеума... дьявол... никаких сил...

Кай приближалась.

Шайка расступилась перед женщиной, а та выпрямила руку и указала на нас.

– Его. Дай мне его, Соло.

– Великая Кай... прошу вас, – примирительно сказал Генри. – Мы только прибыли, мы еще не успели даже...

– Его-о! – выкрикнула женщина. Ее палец с длинным белым ногтем указывал прямо на меня. В глазах пылало вождение. – Я хочу его в свой Искусственный сад. Его, Соло. Забери его, а остальных отпусти. Пусть идут свободными. Но его забери! Забери его скорее!

Весь ужас ее слов обрушился на меня морозом по коже, в этот момент я хотел лишь одного: раствориться в воздухе к чертовой матери.

Здоровяк нахмурился, оглядывая меня.

– Его? Ты уверена, Кай? У него слишком смазливая рожа, он тощий, ты таких не любишь, – он поморщился. – Возьми лучше Генри Ордо. Я его давно знаю, мы с ним когда-то надрались в одном отличном трактире... Я ведь никому не отказываю в компании выпить, даже врагам...

– Его! – взвизгнула женщина. – В нем больше кода, чем в остальных! Я хочу его-о!

Здоровяк посмотрел на Генри.

– Ордо, отдай парня нам, и разойдемся с миром. Я не хочу с тобой драться.

– Кай ошиблась. Он совсем еще начинающий. Да и я своих людей не раздаю, – процедил Генри. – Пусть Кай ищет другого.

По лассо в его руке пробежали желто-голубые искры.

– Кай не хочет другого, ты же видишь. Ее Искусственный сад не пополнялся уже месяц. Время пришло, она голодна. Мы все поклялись ее кормить. И сейчас она хочет именно этого парня.

– Нет, Соло, – отрезал Генри. – Иначе познакомишься с моим Ягуаром.

– А ты познакомишься с гневом Кай, – рыкнул здоровяк. Обернулся и взглянул на мужчин с топорами. – Пусть Кай

решает, кто ей нужен. Это не наше дело.

Те закивали.

Кай посмотрела на меня и протянула руки навстречу, ее глаза потемнели, наполнились кровью, по щекам потекли тонкие красные струйки, и всем естеством я почувствовал, как ее темная сущность, ее аура, ее мощный и ненасытный дух проникает в меня, а я не в силах был отвести от нее взгляд.

– Кай хочет тебя в свой Искусственный сад... очень хочет... – зашептало у меня в ушах. – Кай хочет тебя... иди же к ней...

Ноги сами собой сделали шаг навстречу женщине с протянутыми ко мне руками.

– Рэй. Нет! – Джо вцепилась в мой локоть и потянула обратно. – Не слушай ее.

Девушка выступила вперед.

– Присмотри себе кого-нибудь другого!

Она подняла руки над головой и приоткрыла рот, выпуская из себя, из самой утробы, вихри черного смерча. Вокруг загудело, зарокотало. Переулок и всех, кто в нем стоял, скрыло в плотном сизом тумане.

На это Кай только рассмеялась.

– Да как ты смеешь, маленькая грязная шлюшка, насылать на меня Шепот? Лучше послушай-ка мой!

Джо замерла, ее смерч стих, а темный туман рассеялся.

Переулок вновь осветило луной. И в наступившей гробо-

вой тишине девушка вдруг завизжала, упала на колени, за-
жмурилась, опустив голову, а потом забилась в истеричном
хохоте, заколотила ладонями по грязной брусчатке.

Вот этот безумный страшный хохот и выдернул меня из
ступора.

Я огляделся, оценивая обстановку и расстояние до стару-
хи. Чуть пригнулся, обхватил пальцами клинок ножа. Корот-
ко размахнулся и метнул его в женщину. Тихий, почти бес-
шумный, удар... и нож вошел в живот Кай.

Она вздрогнула, перестала колдовать, опустила руки. Но
не издала даже стоны.

Ее лицо мгновенно преобразилось. Оно стало злым. Кай
не ожидала, что в противостоянии адептов кодо кто-то при-
менит обычный нож. Самый обычный нож из всех обычных
ножей, какие только могли найтись в этом паршивом городе.

– Ах ты, вонючий кусок мяса! – зашипела она. Обхватила
рукоять ножа и рывком выдернула его из живота. – Молись,
чтобы я убила тебя сразу, мелкий подонок!

И в тот самый момент, когда старуха переключила все
внимание на меня, Генри решил действовать. Его лассо,
охваченное огнем и раскаленное докрасна, мелькнуло над
головами.

В воздухе зашипело, искры озарили темноту.

Всех обдало сильным порывом ветра и запахом гари. Под-
нялась пыль. Лицо Генри исказилось, в нем проявились зве-
рины черты.

– Генри, уймись. – Соло шагнул назад. – Я сказал, что не хочу с тобой драться. Но Кай голодна. Мы все поклялись ее кормить, ты же знаешь.

Джо стихла и вдруг ухватила меня за штанину.

– Рэй... подними...

У меня у самого силы заканчивались, но я подхватил девочку под мышки и приподнял (черт, не ожидал, что она настолько тяжелая). Мы отступили за спину ее брата.

В это время Генри крутил над головой огненное лассо, заставляя парней Соло отшатнуться, а меня и Джо присесть. Пламя хлестало, раскаляя воздух и обжигая камни, рычало и бросалось на врага. Но вот сам Соло стоял на месте, огонь Генри его обтекал, будто вокруг здоровяка образовался невидимый щит.

Седовласая Кай прислонилась к кирпичной стене здания, ее белую сорочку обильно пропитала кровь.

Чертова ведьма не сводила с меня горящих алых глаз. Ее взгляд откровенно говорил что-то вроде: «Когда я до тебя доберусь, то сниму с тебя кожу, с живого. Не сомневайся, я это сделаю».

– Валите! – рявкнул нам Генри.

Повторять не пришлось.

Прихватив чемодан с овеумом, я понесся вместе с Джо по переулку, в сторону освещенной фонарями улицы. У самого края переуллка остановился и прислонился к стене, уже не в силах держаться на ногах. Джо, запыхавшись, встала рядом.

Мы оглянулись на Генри.

Его силуэт, неестественно громоздкий, мускулистый, занимал собой почти половину переулка. Огненное лассо больше не мелькало, зато шайка во главе со здоровяком Со-ло уже скрылась в тени. Кай я тоже не увидел.

– Генри! – позвала Джо.

Ее брат обернулся, но поначалу я даже не узнал его лица. Вместо него горела рыжим пламенем разъяренная звериная морда.

– Генри! Это я! – опять крикнула Джо.

И только через несколько долгих секунд Генри узнал ее.

Он наконец пришел в себя, и его лицо преобразилось, тело вновь обрело прежнюю форму. Он обвязал веревку-лассо вокруг запястья и поспешил к нам, взяв в одну руку весь оставленный багаж: сразу два чемодана, свой и сестры.

И чем ближе подходил Генри, тем сильнее становился запах гари и паленой шерсти.

– Генри перерождается, когда входит во вкус, – прошептала Джо, не сводя с брата глаз. – После повышения уровня им частенько овладевает один из элементарей. На этот раз возник элементарь огня. Горящий ягуар.

Я покачал головой.

– Теперь понимаю, почему тот здоровяк не захотел с ним драться.

– Да, Генри бывает очень опасен. – Она перевела взгляд на меня. – И ты тоже.

Я чуть не расхохотался ей в лицо.

Кто опасен? Я?.. Да меня так приморозило, что я чуть не кинулся в объятия старухи, стоило ей поманить пальцем.

– Джо, – тихо сказал я, – а что ей все-таки от меня было нужно? Я про Кай. Может, ты мне объяснишь?

Девушка внимательно посмотрела мне в глаза и ответила:

– У нее очень сильный Шепот, Рэй. Такой я никогда не слышала. Думаю, Кай – черная вдова. Это большая редкость. Обычно путь вдовы избирает для себя мастер по искусству призыва – женщина-адепт, берущая силу из человеческой плоти. Так она повышает свой индекс кодо. Если точнее, то она поедает адептов-мужчин. И сегодня она хотела съесть тебя, Рэй.

Я уставился на Джо.

Сначала подумал, что она шутит, но судя по бледному и серьезному лицу, Джо была далека от шутливого тона.

* * *

До трактира «Адмирал Баум», что принадлежал знакомому Генри, мы добрались ближе к трем часам ночи.

Как и ожидалось, заведение было закрыто, но Генри это ничуть не остановило.

Он подобрал увесистый камень, как специально отколовшийся от брусчатки, и швырнул его в окно второго этажа, плотно закрытое ставнями.

Мы постояли пару минут, прежде чем ставни распахнулись, но вместо человеческого лица из окна показалось дуло ружья.

– Какого хрена?! – проорали из проема. – Перестреляю, ублюдки!

– Выпить не найдется? – негромко спросил Генри.

Ствол ружья мгновенно исчез, тут же захлопнулись ставни. Меж щелей вспыхнул свет. И буквально через десять секунд внизу на первом этаже сдвинулся засов и хрустнул замок. На пороге трактира появился тщедушный низкорослый старик в старомодной пижаме и с сеткой на голове.

– Малыш Ордо! – громыхнул он на всю улицу. Голос совсем не соответствовал его комплекции. – Малыш Ордо вернулся! Тебя поймали? Иди-ка сюда, этакий ты засранец!

Генри крепко обнял старика вдвое меньше себя.

– Как ты, Бен?

– Отбиваюсь, Генри. Но без тебя не особо выходит.

Генри обернулся на меня и Джо.

– Это моя сестра Джозефин и мой хороший знакомый Рэй. Старик бегло оглядел сначала девушку.

– Приветствую, деточка, – затем дело дошло до меня. Он подал мне руку, но при этом поморщился: – Чтоб больше никаких пижонских нарядов, парень. Иначе вылетишь из моего заведения.

Я пожал холодную жилистую руку старика.

– Понял, адмирал.

Бен заулыбался.

– Этот парнишка мне нравится. Адмирал... ну надо же. Давненько меня так не называли.

– Бен, у тебя комнаты для нас не найдется? – спросил Генри, всматриваясь в окна второго этажа. – Хотя бы на недельку-другую, пока мы не устроимся.

– О чем речь, малыш Генри. Теперь у меня наверху гостиница. Целых четыре номера содержу, и один как раз свободен. Будто вас ждал.

– Всего один? – встревожилась Джо. – Но как же...

Старик развел руками.

– Это Ронстад, деточка. Бери, чего дают, иначе заберут обратно. Днем, конечно, выглядит все вполне прилично, но ночью лучше схорониться и нос не кривить.

Джо вздохнула.

– Мы вам очень благодарны... адмирал.

Бен причмокнул.

– Так чего стоим? – прищурился он. – Давайте внутрь вместе с чемоданами, а то чего доброго привлечем тут ненужное внимание. С Бартоло и его родственниками уже встречались?

– Перекинулись парой фраз, – ответил Генри.

– Хех, – Бен плюнул себе под ноги. – С кланом Соло лучше сразу договориться, чтобы проблем не нажить... и меня от них уберечь. Мне проблемы не нужны, малыш Генри. У меня их, сам знаешь, сколько.

Под его брюзжание мы вошли в трактир, и за нами скрипнул засов.

– Не успел прибраться, – буркнул старик нам в спины. И он не преувеличивал.

В трактире стояла разруха.

При взгляде на зал создалось впечатление, будто рота солдат пировала, и все передрались напоследок, расхлестав бутылки, раскидав стаканы и столовые приборы. Весь пол был усыпан осколками, заляпан грязными следами обуви, рвотными массами и еще черт пойми какими человеческими выделениями. Запах табака, кислого пива и мочи стоял такой густой, что не осталось надежды от него хоть как-то спрятаться.

Меня и без того подташнивало от начинающейся ломки, а тут... фух... чуть не вывернуло прямо у порога. Насилу сдержался.

– Добро пожаловать в «Адмирал Баум», – захохотал Бен. – Пройдемте наверх, в ваши апартаменты.

Джо подобрала юбки и, осторожно ступая, отправилась за стариком в сторону лестницы. Мы с Генри проследовали туда же. Под нашими ногами заскрипели осколки.

Наверху было намного чище.

– Внуки спят, не шумите, – предупредил Бен.

– А где Адам? – шепотом спросил Генри.

Старик остановился и обернулся на него.

– Адама нет. Он погиб в прошлом месяце, в Час Тишины.

Внуки теперь на мне.

В его глазах мелькнула еще не утихшая боль.

– Мне жаль, Бен. Очень жаль, – ответил Генри.

Лицо старика стало злым.

– Никому не жаль. И тебе не жаль! Смерть здесь слишком частая штука, чтобы всех жалеть.

Он повернулся, быстро прошел по недлинному коридору и остановился у двери с заржавевшей металлической табличкой «№ 2». Сунул ключ Генри в руку.

– Располагайтесь. Если сможете расплатиться, то уж будьте добры выложить сто суренов за ночь. На троих это не так уж и дорого. Почивайте, господа.

Бен оставил нас в коридоре, а сам отправился в соседнюю комнату. Щелкнул замок, послышались глухие шаги, скрип кровати, и все стихло.

– Адам был его единственным сыном, – мрачно сказал Генри и открыл ключом дверь.

Сначала из комнаты на нас пахнуло сыростью, потом мой нос уловил запах крыс. Его сложно перепутать с каким-то другим.

Номер был двухместный. Увесистый абажур, две кровати, грубо сколоченный стол с керосиновой лампой, два стула. И я знал точно: именно мне не нашлось тут места.

– Лягу на полу, – тут же предложил я.

Мне, если честно, было уже все равно, где спать, лишь бы поскорее упасть лицом в подушку (если она, конечно, для

меня найдется) и отключиться часов на десять. Но сначала нужно принять дозу овеума. Не меньше двух таблеток. Я поставил чемодан в углу и уселся прямо на него. Джо прошла к кровати у окна. В глазах девушки блеснули слезы.

– Как же мы будем тут жить, Генри?

– Да, Джо, это не наша ферма Ордо в Хэдшире, – ответил тот. – Но все же это лучше, чем общежитие на Берроуз, где в одной комнатухе селят по десятку человек. И порой не самых приятных, Джо. А женщинам там вообще несладко. Думаю, тебе еще повезло.

Я молчал. Сказать мне было нечего.

Да, возможно, для Генри поселиться тут, в трактире приятеля, воспринималось везением. Мне же, плюс ко всему дерьму, предстояло выполнить задание Ордена Волка, не нарушая законов Ронстада, не дать заподозрить в себе наркомана, перерожденного адепта, предателя, шпиона... и при этом не вляпаться в какую-нибудь смертоносную хрень, что в данных обстоятельствах почти неосуществимо.

– Рэй, ты паршиво выглядишь. – Генри нахмурился. – Джо, проверь его. Вдруг Кай успела его зацепить.

Джо мотнула головой.

– Уже проверила. Он чист.

– Мне с утра паршиво... плохо спал, наверное, – ответил я рассеянно. – Утром окуну голову в ведро с водой, и все пройдет.

– Ладно, отдыхай, – кивнул Генри. – Да. Вот еще кое-что, –

он мрачно посмотрел сначала на сестру, потом на меня. — Вы оба должны знать, как правильно вести себя здесь с людьми из особых родов. Городом заправляют три сильных клана. Клан Орриван держит ратушу и городскую администрацию, через них проходят все законы Ронстада и все официальные приемы. Клан Сильвер заправляет школами и больницами. Клан Соло подмял под себя торговлю, начиная с рынков и заканчивая элитными салонами. За всеми ресторанами, забегаловками и кабаре тоже присматривают Соло и имеют с них доходы...

Я вслушивался и старался запомнить каждое слово, но сознание стремительно теряло связь с реальностью. В голове созрел вопрос о харпагах: что это за твари такие... Но у меня осталось минуты две. Нужно было заткнуться и успеть принять горизонтальное положение.

Чтобы устроить себе маломальскую лежанку на полу, я сгреб два шерстяных покрывала с кроватей. На одно лег, вторым укрылся, а под голову подложил скомканный пиджак. И как только прикрыл глаза, мгновенно провалился в зыбкое пограничье, даже подумать ни о чем не успел...

Глава 7. Ведьмы лёгкого поведения

Разлепить веки удалось только с третьего раза.

И то после того, как вокруг стихли звуки. Сначала мимо меня прошуршали юбки Джо, еще через несколько минут пронеслись негромкие шаги Генри. Я наконец-то остался один и мог принять овеум.

О, дьявол, как же мне было плохо.

Язык во рту будто ссохся, в горле першило, в голове вызванивал церковный колокол, а такой жажды я сроду не испытывал. Будь моя воля, впитал бы сейчас кожей всю влагу прямо из воздуха...

Я сел на полу, откинув покрывало, и огляделся.

Голова кружилась, но мои осоловелые глаза все же разглядели у кровати Джо таз с водой. И плевать, что, возможно, она мыла в нем ноги. Я ринулся к тазу на четвереньках, на ходу стягивая с себя рубашку. Приник к воде и стал пить: жадно, нетерпеливо, громко глотая и сопя.

Не хотелось даже представлять, как это выглядело со стороны. Овеум превращал меня в животное. Кажется, прошла целая вечность, а я все пил, пил и пил. Воды в тазу заметно поубавилось.

Я наконец оторвался от таза, поднялся с пола и вытер лицо трясущейся ладонью.

Пространство продолжало ехать вбок и двоиться.

Овеум... срочно овеум...

Я кинулся к чемодану, что стоял у моей лежанки. Опустился перед ним на колени, щелкнул замками и открыл крышку. Бумажные пакеты с таблетками лежали точно так же, как я их упаковал, когда только собирался на поезд – с правого боку, под сменными брюками и набором колб, укутанных в полотенце.

От нетерпения я разорвал пакет, не теряя времени на развязывание узлов, и сунул пальцы в россыпь гладких прохладных пилюль.

Господи... кажется, меня затрясло от предвкушения.

В рот отправилась первая таблетка.

Следом вторая.

Потом третья...

Четвертая...

Пятая...

Стоп, Рэй! Ты же отойдешь на тот свет, если примешь шестую.

Я не знаю, что это было, но, кажется, сам ангел-хранитель моей рукой захлопнул крышку чемодана. Я повалился на спину и уставился в пыльный потолок комнаты. Пятая таблетка еще растворялась на языке, но тошнота и головокружение уже прошли, тревога сменилась эйфорией, полнокровной и гармоничной. Я не сдержал улыбки. Овеум снова сделал меня адептом кодо, достойным этого паршивого города.

И я бы лежал так целый день, в счастливой неге, если бы не задание.

Подробные инструкции тэн Зивард спрятал в специальном конверте с краткосрочной сильфовой печатью и трансмутационным напылением.

Это значило, что если его возьмет в руки не тот, кому предназначено послание, конверт мутирует во что-то иное. В любую безделушку: булавку, гвоздь, обертку от конфеты. А краткосрочная печать позволяла открыть конверт только в определенном месте и при определенных условиях (если конкретно, когда я достигну Ронстада и останусь один).

Что ж, Ронстада я достиг, в комнате никого – пора бы прочитать письмо.

* * *

Я заставил себя вновь открыть чемодан. Теперь пакеты с овеумом не произвели на меня никакого впечатления. Я су-нул руку под одежду, нащупал конверт и аккуратно достал его из-под вещей.

Печать на нем тут же треснула с тихим щелчком, конверт открылся сам собой, и из него показалось письмо.

Плотная белая бумага, позолоченный вензель с гербом (уже знакомой картинкой головы волка над перекрестьем двух револьверов), идеально ровный почерк – красота, да и только. Но вместо подробной инструкции я увидел всего

несколько строк:

«Черный волхв по прозвищу Архитектор.

Его старый адрес в Ронстаде: Берроуз, 38.

*Возможно, информацией о его делах владеет
Бартоло Соло, бывший камердинер Архитектора.*

*Отчеты отправляйте еженедельно на свой адрес в
Лэнсоне с пометкой “Ребекке”. Если отчетов не будет,
Ребекки тоже не будет.*

Ищите, мистер Питон. И помните о пуле».

Я скомкал бумагу, и она тут же рассыпалась пеплом в руке.

Значит, помните о пуле? Отлично. Вот о пуле-то я как раз успел позабыть.

Будто откликаясь на воспоминания, заныло мое простреленное правое бедро. Я уселся на стул рядом с тазом, из которого так неэстетично хлебал воду, и задумался, просчитывая в голове варианты действий...

Через минуту уже вернулся к чемодану. Отыскал среди кучи тряпья рубашку попроще, надел прямо так, мятую, сверху натянул жилет и пиджак, всю ночь заменявший мне подушку.

Отлично.

Теперь, надеюсь, я не был похож на пижона и аристократа, скорее на парня, все ниже скатывающегося по социальной лестнице. Осталось чуть взъерошить волосы, обзавестись запахом перегара и пота, пообтрепаться, ну а черные круги под

глазами, думаю, у меня уже обозначились.

С собой я прихватил пару таблеток овеума, сунув их во внутренний карман пиджака, купюру в сотню суренов (всего тэн Зивард дал мне десять тысяч) и трость для обороны на всякий случай.

Я спустился вниз около десяти утра.

И чуть не лишился дара речи.

В трактире царили чистота и порядок. Ни единого следа грязи, ни одного осколка! Черт возьми, как такое возможно?..

* * *

Ответом мне было появление трех подростков: белокурой девочки лет десяти и мальчишек-близнецов, рыжих, будто вымазанных ржавчиной, чуть постарше сестры.

Пока я шел вниз, дети изучали меня пристальными взглядами.

– Мистер! Эй, мистер, – обратился ко мне один из мальчишек, прищулив глаз. – Вы во втором номере живете, да? С мистером Ордо и его сестрой, да? А как вас зовут?

– А кто вы по ПГИ? – добавил второй мальчик.

– Мы убираем номера после двенадцати... Дедушка ушел на рынок за хлебом... Скоро подвезут виски и пиво... Миссис Харди прирезала петуха... Мистер Ордо с сестрой ушли искать работу... Заходил Люк Банни, принес табак, полсу-

рена за пачку, – отчеканила девочка, перекрикивая братьев.

А те принялись с новой силой заваливать меня вопросами:

– А вы завтракать будете?

– Вы любите яичницу? Предлагаю вам полюбить яичницу, потому что любить больше нечего...

– Вы приехали ночью?

– А вы были в Ронстаде раньше?

– Как вам спалось, мистер?

– А вы храпите? Вот дядя Хемиш так храпит, что трясется весь трактир...

Резким жестом руки я остановил этот мозгодробильный словесный поток.

Выдержал паузу, а потом спокойно ответил:

– Ита-а-ак. Я живу во втором номере с мистером Ордо и его сестрой. Меня зовут Рэй. Завтракать не буду, но яичницу люблю. Наш поезд прибыл ночью. Нет, в Ронстаде я впервые. Спалось мне паршиво. Я не храплю, по крайней мере, так же, как дядя Хемиш.

Дети пооткрывали рты и переглянулись.

– Приятного дня, мистер Рэй, – выдавила девочка.

– И вам, – кивнул я ей.

– Дженни Баум, – представилась она, чуть присев в неуклюжем реверансе, потом ткнула пальцем в сторону братьев. – Это Хью и Норманн. А нашего дедушку зовут Бен Баум, папу Адам Баум, маму Ева Баум. Только их уже нет в живых...

ну... кроме дедушки, конечно. Дедушка еще живой. И все. Есть только дедушка и мы. Род Баумов совсем небольшой.

Я мрачно вздохнул.

– Ясно. Ну а я пройдуся немного.

Девочка нахмурилась.

– Только осторожней, мистер Рэй.

– Не ходите в сторону вокзала, – серьезно добавил один из братьев (пусть будет Хью).

– ...и в сторону Берроуз, еще в сторону «Фермерских продуктов мистера Элиса», также в сторону парикмахерской на Гвардейской площади, и в сторону набережной, – добавил второй (а этот пусть будет Норманн).

– Желательно вообще никуда не ходить, – припечатала Дженни.

Я задумался на пару секунд и все же решил спросить:

– Раз вы так хорошо знаете город, не подскажете, где мне найти Бартоло Соло?

Дети снова переглянулись, на их лицах появилась тревога.

– Лучше вам его не искать, – ответил за всех Хью. – Бартоло – правая рука патриция Мэтто Соло, главы клана бандитов и торгашей... ой... – мальчик оглянулся по сторонам, проверяя, не услышал ли его кто.

Дженни пожала тощим плечом:

– Бартоло Соло сам вас найдет, если захочет ограбить.

– А грабят чаще всего у вокзала, – вставил Норманн. – И на Берроуз, и у «Фермерских продуктов мистера Элиса», и у

парикмахерской на Гвардейской площади, и на набережной.

Так, все.

Пора заканчивать эту болтовню.

– Спасибо, господа, – кивнул я детям. – А теперь позвольте-ка мне выйти.

Я буквально сбежал от неумных внуков Бена. Позади еще долго раздавалось щебетанье детских голосов, пока я не отошел от трактира «Адмирал Баум» на приличное расстояние.

Мой путь лежал напрямиком на Берроуз, в бывший дом Архитектора. Я воображал, что это будет обычная кирпичная постройка, похожая на сотни домов Ронстада, но когда увидел, где жил когда-то волхв, остановился в растерянности.

Роскошный замок из белого камня с колоннами и башенками, пестреющий защитными рунами и огороженный высоким забором с чугунными засовами на воротах.

И в нем уже давно расположились новые жильцы.

На входе висела табличка с выгравированной надписью: «Доктор Ли Сильвер. Частная школа для одаренных адептов».

Интересно.

Я даже допускал, что Архитектор так и остался жить в своем доме под прикрытием новых жильцов. Только как мне туда проникнуть, да еще и обшарить?.. Но первым делом не мешало бы собрать сведения и об этом докторе Сильвере: чем живет, какой у него уровень, есть ли семья и охрана, ко-

гда его не бывает дома.

Я постоял у бывшего дома Архитектора еще пару минут, оглядывая неприступные стены замка, высоченные ворота, надежную защиту... и все же решил, что лучше сначала связаться с кланом Соло. Возможно, Бартоло, как бывший камердинер Архитектора, владеет хоть какой-то информацией.

* * *

Существовал лишь один быстрый метод достать Бартоло Соло и вынудить его поговорить.

Что там болтали дети из трактира?

Грабят чаще всего у вокзала, на улице Берроуз, у «Фермерских продуктов мистера Элиса», у парикмахерской на Гвардейской площади и на набережной.

Наверняка, если обойти все указанные места, то вполне возможно напороться на шайку Соло (и на Кай тоже, не надо бы об этом забывать). По Берроуз я уже прошелся, прохожих встретил немного, но те, что я видел, выглядели вполне прилично. Дамы в неярких платьях, соломенных шляпках и с кружевными зонтиками, мужчины в сюртуках и пиджачных костюмах.

Грабежом на Берроуз и не пахло. По крайней мере, в полдень.

Поэтому я отправился на Гвардейскую площадь. По словам продавца из газетного киоска, площадь находилась со-

всем близко, в двух кварталах. Там же располагались мясной рынок, парикмахерская, кабаре «Красный капкан», а чуть дальше, за углом, те самые «Фермерские продукты мистера Элиса».

Двадцать минут прогулочным шагом – и передо мной предстала Гвардейская площадь. Увидев ее, я приготовил трость к обороне.

Здесь царила совсем другая атмосфера, нежели на Берроуз.

Женщины откровенно легкого поведения вешались почти на каждого проходящего, но скорее по привычке, чем с целью обогатиться. Мясники в грязных фартуках, с топорами и ножами, заткнутыми за пояса, стояли за дощатыми прилавками на краю площади. У кабаре толпились мужчины в разномастных рабочих одеждах.

И самое главное: в этой толчее мелькали не только карманники, но и ребята мастью покрупнее. Их было видно сразу. Никогда бы не подумал, что именно таких я и буду выискивать.

Теперь дело за малым.

Я отлично знал, с чего начать, ведь подобный сценарий наблюдал уже не раз на Рынке Нищих в Лэнсоне. Спасибо безродному детству. Итак, чтобы найти на свой зад неприятностей, нужно как минимум привлечь к себе внимание наводчиц.

Вальяжно вышагивая, я направился в сторону кабаре, и

чем ближе подходил, тем больше заинтересованных взглядов ловил на своей персоне.

Я сунул руку во внутренний карман пиджака, достал сотенную купюру и чуть приостановился, якобы решая, куда потратить деньги: на кабаре или все-таки пойти на рынок, побаловать себя говяжьим стейком. Кивнув самому себе, я повернул в сторону рынка и зашагал к прилавкам, спрятав деньги обратно в пиджак.

Не прошло и минуты, как меня окликнули:

– Мистер, не желаете развлечься? А, мистер?..

* * *

Ко мне через площадь спешили две местные красотки.

Одна лет шестнадцати, угловатая, худенькая; вторая постарше, уже умудренная опытом, с аппетитными формами, лет двадцати. Вид у обеих был жалкий, но при этом многообещающий.

– Мистер, остановитесь и вы не пожалеете, – заявила та, что постарше, подходя ближе.

Коснулась меня пышной грудью, колыхающейся в открытом вырезе блузки.

Ее проворные пальцы принялись обшаривать меня и ощупывать. А у дамы хорошая хватка. С таким рвением она обнаружит мои запасы овеума во внутреннем кармане пиджака уже через десять секунд.

Я перехватил ее руку, несильно сжав девице запястье.

– И что вы можете мне предложить, мисс?

Она томно провела языком по верхней губе и прикусила нижнюю, уже и без того красноватую от частых прикусываний.

– Вы не пожалеете, мистер. Гарантирую.

Я наклонился к девушке и прошептал на ухо:

– Очень бы хотелось испробовать весь предлагаемый вами ассортимент. Думаю, сотни хватит?

Девушка подмигнула и так же негромко ответила:

– Сотни хватит не только на меня, но и на Эстер. – Она обернулась на подругу, скромно топтавшуюся рядом. – Согласна, Эстер? Ты бы хотела пойти с этим симпатичным молодым господином? Посмотри, он явно из благородного рода... такие к нам редко заходят...

Эстер даже и не думала отказываться. Она часто закивала, выдавив то ли улыбку, то ли оскал.

– Ну вот и отлично, дамы, – заулыбался я. Обхватил обеих девиц за талии, увлекая в сторону рынка. – Так где мы можем уединиться?

Эстер продолжала молчать, а вот вторая девушка оказалась словоохотливой и скорой на дело.

– Если вам так уж не терпится, мистер, то вон там, совсем близко, есть неприметное местечко.

– Мне очень не терпится, детка, – шепнул я ей.

Девушка хихикнула.

– Вот здесь, мистер, – она взяла меня за руку и потянула за собой в тень полуразрушенного двухэтажного здания, зияющего пустыми окнами. А на ходу все бормотала: – Если вы в нетерпении, тогда зачем терпеть, правда же? Терпеть не нужно. Здесь тоже ведь неплохо. Сейчас Эстер разденется, она умеет это делать. Подрабатывает в кабаре... Хотите посмотреть на Эстер?

– И не только посмотреть, – ответил я с придыханием. Сам же внутренне напрягся.

Пока мы шли мимо рыночных рядов, двое мясников бросили прилавки и проследовали за нами, держась на расстоянии (узнал я их сразу, у меня отличная память на лица).

Говорливая девица остановилась, переглянулась с подружкой.

– Эстер, твой выход.

Та заметно преобразилась. Ее взгляд стал плотоядным, а движения уверенными. Она без раздумий расстегнула пуговицы и распахнула блузку, демонстрируя еще подростковую грудь.

Такой прыти я, если честно, от нее не ожидал.

Уставился на женские прелести, будто впервые их увидел (на самом деле, чего я только ни перевидал в «Доме радости мадам Мускат»).

– Эй! Мистер! – выкрикнула вторая девушка. – А теперь гони кошелек!

– Что?.. – картинно опешил я.

– Что слышал, извращенец! Выворачивай карманы!

В это время оголившаяся часть тела Эстер начала медленно покрываться мерцающими татуировками. Кончики ее пальцев запылали синим.

Так вот оно что. Передо мной рунная ведьма.

О них я слышал немного. Говорят, адепты они не сильные, и чтобы от них защититься, нельзя позволять им чертить в воздухе знаки. Но сейчас у меня стояла другая задача: дожидаться мясников с топорами (да, Рэй, твои задачи соседствуют с идиотизмом). Поэтому я продолжал пятиться.

Эстер медленно пошла на меня, сбросив с худого тела блузку. Ее татуировки вспыхнули ярче.

– Где деньги, идиот?

И впервые я услышал ее голос, грубый, совсем не юный. Глянул на вторую девушку. Та тоже успела покрыться татуировками. Вся, вплоть до лица.

Значит, мне повезло напороться на двух рунных ведьм.

Я опустил трость набалдашником вниз, почти касаясь каменного пола, усыпанного обломками кирпичей, и приготовился. Если бы девицы знали, что скрывается внутри моей трости, то не подходили бы так близко.

Но я ждал появления мясников и не спешил использовать преимущество.

– Ну что, мистер?.. – негромко спросила Эстер. – Тебе нравится развлечение?

– О-очень, – выдохнул я. Нашарил во внутреннем карма-

не купюру и смял в кулаке. — Я готов расплатиться прямо сейчас. Возьмите... тут сто суренов...

Девушка протянула руку, но более опытная подруга тут же одернула ее:

— Эстер! Не прикасайся к нему! Вдруг он такой же, как Феликс? Потом не отделаемся. — Она указала на землю рядом с собой. — Брось деньги сюда, мистер. Поближе ко мне.

Я швырнул смятую сотню себе под ноги, еще и подошвой туфли на нее наступил.

Возмущенная Эстер принялась чертить в воздухе. Ее мерцающий указательный палец двигался невероятно быстро, вырисовывая сложную руну, и я не придумал ничего другого, как мгновенно броситься к девушке и схватить ее за руку.

— Отцепись! — она попыталась освободиться, но я держал ее железной хваткой.

К нам подбежала вторая ведьма, ткнула в меня пальцем и начертила знак прямо на моей спине. Кости пронзила боль, и я уже решил воспользоваться тростью, но тут издалека донесся голос:

— Оставьте! Мы сами его выпотрошим!

Ведьмы мгновенно от меня отпрянули. Эстер схватила с земли блузку и прикрыла грудь. Руны с ее тела исчезли.

— Хозяин... он сопротивлялся, — тихо сказала она, склонив голову.

Я оглянулся на вновь прибывших. Мясники. Двое. С друидскими боевыми топорами.

Ну наконец-то...

* * *

Мясники приближались. Один худой и высокий, другой приземистый и плотно сбитый.

– Денег у меня нет! – выкрикнул я. – Все, что было, я уже отдал! С меня взять нечего!

Тот, что пониже, оскалился и выдал что-то вроде горлового хрипучего смеха.

– У любого найдется, что взять, сопляк. Например, твой костюмчик мне лишним не будет.

Скорее всего, именно он и был Феликсом, главным из этих двоих. Наверняка помощник самого Бартоло Соло. И судя по тому, что его опасались рунные ведьмы, адептом он был не простым. Вот только каким конкретно искусством он владел?..

– Я сам его убью, – бросил он подручному и направился ко мне, выставив топор и сверля меня взглядом.

Никаких сомнений, Феликс понимал только язык силы, и придется с ним драться.

Но это ничего не меняло. Даже в теле тщедушного аристократа драться я не боялся.

Уже с семи лет раздирал кулаки в жестоких мальчишеских боях на Рынке Нищих, под дикий вой таких же, как и я, безродных, сбившихся в тесный круг. И наградой в этих битвах

порой становился кусочек козьего сыра. Сейчас же награда была куда существенней – жизнь моей сестры Ребекки, как и моя собственная. И подраться – самое малое, что можно для этого сделать.

Я коснулся тростью каменного пола и с силой надавил на набалдашник.

Послышался тихий хруст.

Стекло набалдашника лопнуло, и из него к моим ногам потекло мутационное масло. Это была моя собственная придумка: иметь при себе порцию высококлассной связующей жидкости в неприметном месте.

Трость я сделал уже давненько, полгода назад, и перед тем как отправиться в Ронстад, попросил тэна Зиварда забрать ее из моего подвала и привезти мне. К тому же трость была стальной и разборной. Она делилась на две части, что позволяло мутировать самое любимое мое оружие – южное мачете.

Для боя его редко кто использовал, больше для рубки тростника, но с помощью мутаций я мог менять форму клинка, поэтому доработал для себя его идеальный вариант: расширяющийся к острию клинок не короче полуметра, легкую накладную рукоять с противовесом и обязательно гарду для защиты пальцев.

Разборная трость позволяла мутировать из нее сразу два мачете для обеих рук, а мутационное масло давало возможность сделать это практически моментально. Ну... и пять

таблеток овеума, конечно.

Феликс приближался.

Его намерение убить меня, а потом преспокойно снять приглянувшийся костюмчик с трупа, ясно читалось в глазах. Хрен ему, а не костюмчик.

Одним щелчком замка я разделил трость надвое и макнул обе части в лужицу масла под ногами. В руках уже пекло от нещадного желания поскорее мутировать никчемные палки в смертоносное мачете.

До столкновения с Феликсом у меня оставалось несколько секунд, и их мне хватило, чтобы вооружиться. Я выдохнул, когда ладони привычно сжали удобные рукояти мачете, и со свистом вертанул их, отводя назад.

– Эй, Феликс. Может, сначала поговорим? – предложил я стремительно приближающемуся мяснику.

– На том свете поговоришь! – прорычал тот и, размахнувшись, обрушил на меня топор...

Глава 8. Крыса Рингов

Со звоном клинки мачете приняли удар друидского топора.

Феликс сверлил меня взглядом, наверняка представляя, как лезвие его тяжелого орудия врезается в мой череп и рубит его... рубит... рубит...

Парнем он был не очень-то ловким, зато сильным и выносливым, как конь-тяжеловес. Его помощник остановился поодаль, ожидая приказа. Рунные ведьмы отпрянули к полуразрушенной стене постройки и наблюдали за хозяином.

– Феликс, – прищурился я, – мой костюмчик тебе будет узковат.

Мясник сжал топор до скрипа, и разящие удары посыпались на меня один за другим.

Искусством боя он владел неплохо, зато я мог на ходу менять форму оружия и маневрировать, выбивая противника из привычного ритма. Пока Феликс в очередной раз поднимал топор, мои мачете успели мутировать в два сабасских меча.

Теперь в одной руке я держал метровую полусаблю с идеальным изгибом клинка, удобной рукоятью и широкой цубой. В другой – короткий меч. Клинки сверкнули каленой сталью и рассекли воздух, став продолжением рук.

С пыхтящим сопеньем, весь лоснящийся от пота, Феликс

отпрянул от меня – похоже, растерялся, но тут же набросился снова.

Он злился. Еле отслеживая движения моих рук, метался из стороны в сторону и семенил, теряя силы. Я же наоборот планировал и вымерял каждый шаг, каждый поворот корпуса, каждый жест.

От этого зависела моя жизнь.

Бой двумя мечами – техника экзотическая. Владел я ею далеко не на высшем уровне, но старался идеально отрабатывать скользящие блоки, чтобы топор мясника не разбил клинки мечей.

Феликс неожиданно вертко уходил от моих колющих выпадов, но пару раз я все же угодил в его левый бок. Противник явно не ожидал от меня такой обороны, рычал и скалил-ся, делал ложные выпады, обманные маневры – и снова терял силы.

Кожей ощущалось, как пространство вокруг нас накаляется, становится плотным, вместе со звоном и скрипом оружейной стали наполняется жаром. Взмах топора – свист мечей... выпад – блок... смена позиций...

Несмотря на всю свою нарочитую неуклюжесть, Феликс оказался хитрым и выносливым бойцом. Друидским топором он владел отменно.

– Ты что за проходимец такой, а?.. – наконец захрипел мясник. – У тебя на роже написано, что ты проходимец! Что ты скрываешь?.. Хотел развлечься с моими девочками, а по-

том слинять, не заплатив? Кто ты?

Кажется, он начал использовать кодо, только какое именно искусство, оставалось для меня загадкой.

Его глаза наполнились белизной, зрачки совсем исчезли. Топор продолжал мелькать и резать воздух над моей головой, а Феликс все громче бормотал мне в лицо:

– Я знаю, кто ты... знаю все твои слабости и уязвимости. Ты не справишься, парень... ты не справишься. Ты создан, чтобы сдохнуть в луже собственной крови. Кто ты, сопляк?.. Вор? Убийца? Больной? Безумец?.. Кто ты?.. У каждого есть слабое место. О-о, я знаю... ты предатель?

Я понимал, что это провокация, но тело не смогло противиться силе неизвестного мне кодо. После слова «предатель» внутри все будто съежилось. Феликс мгновенно почуял слабинку.

И продолжил давить на больное:

– Значит, предатель... Кого ты предал?.. Свой род? Страну? Друзей? Себя?

А вот на это я не поддался.

Да, я сотрудничал с теми, кого ненавидел, с теми, кто изуродовал мою жизнь и отнял тело, но я защищал сестру. И до последнего вздоха не перестану этого делать.

Утрись, сволочь. Я не предатель.

На этот раз вздрогнул сам Феликс. Нахмурился, будто не ожидал от меня морального сопротивления. Этой заминки мне хватило, чтобы нанести ему рубящий удар в предплечье.

Сквозь рукав его рабочей формы проступила кровь, обильно пропитывая ткань.

Мясник взвыл, отшатнулся. Но тут же перехватил топор в другую руку и кинулся на меня. Его удары стали сильнее, чаще, свирепее.

– Кто ты?.. – продолжал колдовать Феликс еще усерднее. – Кто ты, если не предатель?.. Я вижу, как трясутся твои руки, как они слабеют... Что ты смутировал? Два жалких ножа? Уровень ребенка, а не нормального адепта. Да ты вообще не адепт, а подделка!

Я чувствовал, как он лезет в мои мысли, роется в них, ищет... ищет что-то...

Белые глаза Феликса вспыхнули светом.

– Я вижу твое имя... Теодор... тебя зовут Теодор, и ты... ты из имперского рода... из рода Рингов. Рингов!.. Что щенок из элитной своры Лэнсома забыл в Ронстаде? Среди Рингов никогда не было адептов. Вы же так гордитесь своим чистоплотным родом. Первые в Скрижали Достойных. Первые везде! Тогда что ты тут делаешь, имперский выродец?.. Какого хрена тебе тут надо?

Феликс все больше напоминал безумца, нес полную ахи-нею.

Но мое тело отозвалось на имя «Теодор», уши не впервые его слышали, сердце забилося сильнее при упоминании этого имени.

– Крыса Рингов среди нас! – продолжал орать Феликс,

орудуя топором. – Крыса Рингов в Ронстаде! Да не бывать такому!

Я старался не слушать бред мясника, но его сильное кодо подавляло волю.

Шаг за шагом я отступал, удары слабли. Мечи перестали быть виртуозным орудием, превратились в неуклюжие ножи, рукояти скользили в потных ладонях, а глаза Феликса излучали не просто белый свет, они искрились им, тлели и вспыхивали неистовой белизной.

– Щенок Рингов! Имперский выродок!

Рукоять короткого меча выскользнула из моей ладони, оружие зазвенело по каменному полу и глухо ударилось о стену рядом с ведьмами. Я, как мог, отбивался одной полусаблей, клинок еле выдерживал удары мощного боевого топора, а моя моральная броня все сильнее трещала по швам.

– Теодор Ринг! – снова выкрикнул Феликс.

От этого выкрика меня парализовало. Я выронил второй меч и тут же получил сильный удар обухом топора прямо в грудь. Отчетливо услышал треск костей, попытался увернуться от нового удара, но от болевого шока упал на колени, хватая ртом воздух.

Тяжелым носком ботинка Феликс добавил мне под ребра.

– Я все же заберу твой костюмчик, сопляк, – слышался его довольный голос.

– Ну попробуй... – выдавил я, заставляя себя поднять голову и посмотреть мяснику в глаза.

Они уже потухли, Феликс перестал колдовать, уверившись в том, что одержал победу. Но нет, это была не она. Я еще не сдался.

– Можно ему добавить? – спросил у Феликса его помощник. И не дожидаясь ответа, подошел ко мне, схватил за волосы и потянул вверх, заставляя встать с колен.

– Ну что, парень? Привет тебе от клана Соло...

Не сильным, но точным ударом в нос я заставил его заткнуться.

Ответ последовал мгновенно. И такой, что меня отбросило на спину. Кулак парня угодил мне в нижнюю челюсть и, казалось, раздробил к чертям половину лица.

Давясь кровью, текшей из разбитых губ, я снова поднялся на ноги. Сплюнул и прохрипел:

– Хрена с два вы получите мой костюмчик, ублюдки.

Наверняка мой костюм пребывал уже не в том виде, чтобы на него посягать. Грязный, обессиленный, истекающий кровью, я стоял без оружия, пошатываясь от головокружения, а Феликс внимательно смотрел на то, как я держусь из последних сил.

– Ты меня достал, сопляк, – процедил он. – Откуда у изнеженных Рингов вдруг взялся такой крепкий засранец?.. Я хочу заколотить тебя до смерти. Вот этой вот рукой. Хочу чувствовать, как крошатся твои кости и рвется кожа. Будь добр, сделай дяде Феликсу приятно. Сдохни, крыса Рингов!

Он отбросил топор и ринулся на меня, всадив кулак мне

в живот. Увернуться я не смог, и мы повалились на землю. Феликс вжал меня в пол и пару раз ударил в лицо.

В глазах взорвались искры, голова запрокинулась. Но все же я успел заметить крупную золотую цепь на шее Феликса. Золото.

Оно мутировало почти без усилий, но мне, не природному адепту, все равно требовалась связующая жидкость.

Лежа на спине и помогая себе локтями, я пополз в сторону лужицы мутационного масла, вылившегося из набалдашника трости. Феликс тут же разгадал мой план. Схватил меня за грудки и приподнял, прошипев в лицо:

– Грубо работаешь, парень...

Я оскалился. И смял в кулак его золотую цепь.

К черту масло... Попробую мутировать так.

Ладонь пронзил адский жар. Такого жара я никогда раньше не ощущал. Изнутри давила мощь, требовала разрядки. И это не было похоже на выход химического кода, что давал овеум.

Под горячими пальцами цепь начала мгновенно мутировать в прочный шнур с такой же скользящей петлей, что я видел на лассо у Генри. И чем сильнее я тянул за его конец, тем крепче он затягивался вокруг шеи Феликса.

От неожиданности, боли и нехватки воздуха тот вытаращился на меня и задергал головой. Но я держал его намертво, будто душил навалившегося медведя.

Или он, или я...

Видимо, я.

Феликс захрипел, скребя шею в попытке ослабить петлю, а я медленно поднялся с пола, притягивая к себе противника за смертельный ошейник.

– Позови мне Бартоло, – сказал я в его покрасневшее лицо. – Сейчас. Мне нужен твой босс.

Феликс не мог говорить. У него подгибались ноги, он беззвучно разевал рот, высовывая язык и заходясь пеной.

Ко мне кинулся его помощник, но я остановил его, громко пригрозив:

– Еще шаг – и веревка превратится в стальную проволоку. Будешь ловить голову этого козла у себя под ногами!

Помощник замер, не добежав до меня метра три. Ведьмы заскулили, они даже не пытались помочь своему главарю, притихли у стены, ожидая и его, и своей участи.

– Если ты позовешь мне Бартоло, я ослаблю петлю, – снова обратился я к мяснику. – Ты понял, Феликс? Пусть твой подручный приведет мне его прямо сейчас. Я хочу видеть Бартоло.

Феликс закивал, давая понять, что на все согласен.

Я ослабил петлю, и мясник одним долгим вдохом, с хрипом, бульканьем и свистом втянул воздух в легкие. Потом махнул рукой, не глядя на помощника.

– Иди...

Тот кивнул и кинулся из заброшенного здания. Ведьмы продолжали поскуливать.

– Свободны! Валите отсюда! – гаркнул я им.

Та, что постарше, со всех ног понеслась к выходу, но Эстер помедлила. Посмотрела на меня пронзительным взглядом, приложила раскрытые ладони к сердцу и направила их в мою сторону. Склонила голову в уважительном кивке. А потом быстро схватила грязную сотенную купюру с пола и кинулась бежать.

Мы с Феликсом остались одни.

В горле у него похрипывало и даже скрипело, он старался дышать носом.

– Бартоло с тебя с живого шкуру стянет и сделает из нее пальтишко, – выдавил он, одаряя меня свирепым взглядом.

– Вот и посмотрим, как крепко моя шкура на мне сидит, – ответил я.

– Да уж... очень хочется увидеть...

– Почему ты назвал меня Теодором Рингом?

Феликс расплылся в угрожающей улыбке.

– Потому что прочитал это в твоей башке. Мое кодо все видит и никогда не ошибается.

– На этот раз ты ошибся, – бросил я ему, но нехорошая догадка все же зародилась в голове: кажется, теперь я узнал, кому принадлежало тело, в котором я находился.

Отпрыску Рингов.

К этому же роду относился глава империи. Выше, чем аристократы из рода Рингов, в Бриттоне никого просто не существовало.

Я очень надеялся, что Феликс ошибся, приписав меня к имперскому роду.

Пожалуйста, пусть он ошибется...

В далеком гуле Гвардейской площади и в паузах между шумными выдохами Феликса я различил отчетливые шаги. Тяжелые, не торопливые, но и не медлительные. Звук надвигался, и я уже знал, кто идет со мной повидаться.

Через минуту в проеме заброшенного здания показалась высокая и грузная фигура Бартоло Соло.

* * *

– Ты что за хрен?! – рявкнул он с порога. – Феликс, кто этот парень?

– Это щенок из рода Ри-и...

Я сильнее затянул на шее Феликса петлю. Подождал, когда Соло подойдет ближе, и сказал спокойно, без претензий:

– Хочу поговорить с достойным представителем вашего клана.

– С чего ты взял, что я буду с тобой говорить? – Соло подобрал валяющийся на полу топор Феликса.

В его здоровенных руках оружие больше походило на игрушку.

Я же решил не медлить, ведь неизвестно, сколько получится продержать Феликса на поводке. Я обмотал шнур вокруг кулака, крепче стягивая петлю на шее мясника. Тот сно-

ва задержался.

— Бартоло, как давно клан Соло стал таким уважаемым? — спросил я. — У меня есть предложение сделать его еще более уважаемым. И есть возможность. Только поговорить бы с нормальным человеком, а не с придурком, у которого вместо мозгов мясной фарш.

Глаза старшего Соло налились гневом.

— Тебе жить надоело, тощий ублюдок? — процедил он и прищурился, вглядываясь в мое лицо. — Эй... где я тебя мог видеть? Твоя смазливая рожа мне знакома... — Соло нахмурился, но тут же просиял: — Точно! Сегодня ночью у вокзала. Тебя присмотрела для себя Кай.

Я поморщился.

— Ты про ту старуху с пищевым расстройством?

Скорее всего, за свои слова мне придется ответить. Но это будет потом, а сейчас мне нужен был Соло.

И драться с ним я не собирался, вряд ли сейчас я смогу его победить, а вот сделать так, чтобы он сам захотел со мной поговорить, из уважения к моей наглости — вполне.

Он уже уважал меня и был заинтересован моей выходкой, я видел это по его глазам. И на его месте я бы тоже заинтересовался, при этом припас бы два варианта, ничем не рискуя: сначала прощупал бы новичка на гнильцу и после убрал, либо взял его в шайку. Вряд ли в закрытом Ронстаде разбрасываются людьми. Здесь каждый на счету, особенно толковый и наглый.

– Смотрю, ты очень смелый, – бросил здоровяк. – А как ты запоешь, когда я позову саму Кай? Теперь ты для нее – еда номер один. Деликатес в штанишках.

– Кормежка Кай входит в твои обязанности?

Желваки Соло перекатились под кожей, он прищурился.

– Что ты за хрен, я тебя спрашиваю?

– Есть дельце на миллион. Выпьем? – предложил я.

Соло округлил глаза.

– Выпить? С тобой?! Ты рехнулся, молокосос?

– Ты лично говорил, что никому не отказываешь в компании выпить, даже врагам... Да и сам знаешь, любой новичок хочет тут выжить, и я тоже. У меня есть, что тебе предложить, взамен на приличную работенку. Остается только выслушать.

Соло смерил меня взглядом (еще более заинтересованным).

– Оставь Феликса. Выпьем, раз ты так хочешь.

Я кивнул.

– Отлично. Только дай слово, что этот говнюк на меня не нападет и не применит кодо.

Соло взглянул на хрипящего Феликса.

– Сейчас мой племянник уйдет, но я не могу гарантировать, что он не отомстит тебе в любой другой день.

Это был достойный ответ.

– Хорошо, – согласился я.

Отпустил веревку и оттолкнул Феликса от себя. На осла-

бевших ногах тот продержался недолго: осел на пол и принялся освобождать горло от петли.

– Убью... сраный ублюдок... отрежу твою сраную башку и скормлю собакам... – зашептал он, с яростью откидывая веревку. Посмотрел на босса. – Бартоло, ты знаешь, кто этот засранец? Он из...

– Заткнись и вали отсюда, Феликс, ты уже облажался, – перебил его Соло. – Приготовь нам стол в кабаре. – Он перевел взгляд на меня. – Ты бывал в кабаре, самоубийца?

– Рэй, – представился я.

Соло ухмыльнулся, и его ухмылка не обещала ничего хорошего.

– Так ты бывал в кабаре, Рэй?

Я отрицательно покачал головой.

– Тогда ты будешь в восторге. Вот это я гарантирую. Ну а все остальное – уж как разговор пойдет...

* * *

Мы ввалились в кабаре «Красный Капкан» через двадцать минут.

Соло буквально тащил меня на себе, грязного, избитого, еле волочащего ноги. Кажется, кроме треснутого ребра, у меня был сломан еще и нос. Боль пульсировала в голове, но лица я не чувствовал, оно будто отмерло.

И пока мы с Соло шли по Гвардейской площади в сторо-

ну кабаре, все расступались перед нами, провожая усмешками. Наверняка думали, что очередному придурку не повезло перейти дорогу знаменитому Бартоло Соло и его тяжелому кулаку.

Мы преодолели тесное фойе заведения и вошли в полумрак главного зала. «Красный капкан» еще не открылся, но у входа уже толпились любители развлечений.

Соло швырнул меня в кресло у столика с табличкой «Заказано для мистера Бартоло», а сам уселся напротив. Я бегло оглядел зал, уставленный столиками. Здесь имелись две основополагающие вещи: сцена и бар. Хотя нет. Зрелища и выпивка – так будет точнее. Мы как раз устроились рядом со сценой.

К нам тут же поспешил официант.

– Мистер Бартоло, Феликс дал указания насчет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.